

Философский журнал

Контекст и рефлексия:
философия о мире
и человеке

Том 13, № 4А, 2024.

С. 1-77.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Philosophical journal

Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being

April 2024, Volume 13, Issue 4A.

Pages 1-77.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» Том 13, № 4А, 2024

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 12 номеров в год. Периодичность части В – 12 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Лисина Елена Александровна, кандидат философских наук (5.7.7), член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, *Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах* – главный редактор журнала.

Нечипуренко Виктор Николаевич, доктор философских наук (5.7.7), профессор, профессор кафедры исторической культурологии, *Южный федеральный университет* – заместитель главного редактора.

В журнале представлены философские дискуссии и результаты современного научно-философского миропонимания, имеющие важное мировоззренческое значение для развития общества, науки и культуры, преподавания философии в высших учебных заведениях, а также для исследовательских траекторий философов и заинтересованной публики. Авторами статей являются философы, ведущие специалисты современного научного знания, а также исследователи, работающие над диссертациями.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке» включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий**», в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	Е.А. Лисина, кандидат философских наук (5.7.7)
Зам. главного редактора	В.Н. Нечипуренко, доктор философских наук (5.7.7)
Научный редактор и переводчик	А.А. Маркова
Корректоры	Л.Л. Куприяничик, И.А. Шейхетова
Переводчики	В.Н. Ермаков, Р.Э. Бокова, В.И. Лукьянчикова
Дизайн и верстка	М.А. Пучков, М.Л. Песчаная
Адрес редакции и издателя	142400, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-43669 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5485.

Учредитель и издатель: Общество с ограниченной ответственностью «АНАЛИТИКА РОДИС».

Индекс по Каталогу периодики «Урал-Пресс»:

42973 «Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке».

Цена договорная. Печ. л. 12. Формат 60x90/8.

Дата выхода в свет: 30.12.2024.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 12 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7543.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Сушевский вал, 49.

"Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" April 2024, Volume 13, Issue 4A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 12 times a year. The frequency of part B is 12 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Lisina Elena Aleksandrovna, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, *Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy* (Russia) – editor-in-chief.

Nechipurenko Viktor Nikolaevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, *Southern Federal University* (Russia) – deputy editor-in-chief.

The journal initiates philosophical discussions and presents the results of the modern scientific and philosophical world outlook that are of great philosophical significance for the development of society, science and culture, for teaching philosophy in higher educational establishments as well as for research trajectories of philosophers and an interested audience. Philosophers, leading specialists in the field of modern knowledge and researchers working on dissertations are among the authors of articles published in the journal.

The views and opinions of the publisher may not necessarily coincide with those of the authors. The journal "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being" ("*Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	E.A. Lisina, PhD in Philosophy
Deputy editor-in-chief	V.N. Nechipurenko, Doctor of Philosophy
Science editor and translator	A.A. Markova
Proof-readers	L.L. Kupriyanchik, I.A. Sheikhetova
Translators	V.N. Ermakov, R.E. Bokova, V.I. Luk'yanchikova
Styling and make-up	M.A. Puchkov, M.L. Peschanaya
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142400, 7 Rogozhskaya str., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 915 056 9894
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate:

PI No. FS77-43669 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5485.

Founder and Publisher: Limited liability company "ANALITIKA RODIS".

Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":

42973 "Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being".

Contract price. 12 printed sheets. Format 60x90/8.

Date of release: 30.12.2024.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 12 issues per year. Circulation 1000 issues. Order No. 7543.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.7.1. Онтология и теория познания

Вишев Игорь Владимирович – доктор философских наук, профессор, исторический факультет, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).

Волков Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-философских наук, Московский государственный институт культуры.

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии, Сибирский федеральный университет.

Лойко Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор, профессор отделения социально-гуманитарных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

по направлению: 5.7.2. История философии

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Осипов Игорь Дмитриевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Панибратцев Андрей Викторович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук, Московский государственный университет гражданской авиации.

по направлению: 5.7.3. Эстетика

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Клюев Александр Сергеевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры музыкального воспитания и образования, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Черникова Валентина Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет.

по направлению: 5.7.4. Этика

Абакарова Райганат Магомедовна – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет.

Варава Владимир Владимирович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Хильгендорф Эрик – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Вюрцбургский университет Юлия Максимилиана (Германия).

по направлению: 5.7.6. Философия науки и техники

Дмитриев Анатолий Васильевич – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, руководитель группы конфликтогенности миграции, Почетный доктор, Институт социологии Российской академии наук.

Ивлева Марина Левенбертовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социальной философии, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов.

Масалова Светлана Ивановна – доктор философских наук, профессор, председатель оргкомитета пресс-центра, Южный федеральный университет.

Пусько Виталий Станиславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет).

Шиповалова Лада Владимировна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии науки и техники, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет.

по направлению: 5.7.7. Социальная и политическая философия

Василенко Инна Викторовна – доктор философских наук, профессор, кафедра социологии, Волгоградский государственный университет.

Везиров Тимур Гаджиевич – доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, академик Российской академии естествознания, профессор кафедры методики преподавания математики и информатики, Дагестанский государственный педагогический университет.

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук, завкафедрой политических наук, Кемеровский государственный университет.

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор центра научных исследований, Всероссийский государственный университет юстиции.

Лисина Елена Александровна – главный редактор журнала, кандидат философских наук, член Ассоциации международного права, генеральный директор, издательский дом «АНАЛИТИКА РОДИС», преподаватель, Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах.

Нечипуренко Виктор Николаевич – заместитель главного редактора журнала, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры исторической культурологии, Южный федеральный университет.

Скорик Александр Павлович – доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и отечественной истории, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова.

по направлению: 5.7.8. Философская антропология, философия культуры

Аксюмов Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра социальной философии и этнологии, Северо-Кавказский федеральный университет.

Артановский Сергей Николаевич – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

Брейтман Александр Семенович – доктор философских наук, профессор, кафедра международных коммуникаций, сервиса и туризма, Дальневосточный государственный университет путей сообщения.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Международный банковский институт.

Дорофеев Даниил Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Санкт-Петербургский горный университет.

Кортунов Вадим Вадимович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Российский государственный аграрный университет – МСХА им К.А. Тимирязева.

Костина Анна Владимировна – доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии, Московский гуманитарный университет.

Мордовцева Татьяна Васильевна – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Таганрогский институт управления и экономики.

Орлова Надежда Хаджимерзановна – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии, философии культуры и эстетики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, доцент, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

по направлению: 5.7.9. Философия религии и религиоведение

Астахова Лариса Сергеевна – доктор философских наук, заведующая кафедрой религиоведения, Казанский федеральный университет.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет.

Нестеркин Сергей Петрович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, отдел философии, культурологии и религиоведения, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук.

Орлов Андрей Александрович – доктор философии по религиоведению, магистр богословия, кандидат социологических наук, факультет богословия, Университет Маркетта (США).

Пронина Татьяна Сергеевна – доктор философских наук, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра религиоведческих и этнополитических исследований, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Редакционная коллегия

Бенин Владислав Львович – доктор педагогических наук, кандидат философских наук, профессор, завкафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы.

Бондаренко Григорий Владимирович – магистр философии (Оксфорд), кандидат исторических наук.

Керимов Александр Джангирович – доктор юридических наук, профессор, член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук.

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических дисциплин и управления, Оренбургский институт (филиал), Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.

Editorial Board

Abakarova Raiganat Magomedovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dagestan State University (Russia).

Aksyumov Boris Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor at the Department of social philosophy and ethnology, Stavropol State University (Russia).

Artanovskii Sergei Nikolaevich – Doctor of Philosophy, PhD in Philology, Professor at the Department of the Russian language and teaching methodology, Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Russia).

Astakhova Larisa Sergeevna – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Religious Studies, Kazan Federal University (Russia).

Breitman Aleksandr Semenovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of social cultural service and tourism, Far Eastern State Transport University (Russia).

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Head of the Department of philosophy and cultural studies, Samara State Medical University (Russia).

Chernikova Valentina Evgen'evna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Stavropol State University (Russia).

Dmitriev Anatolii Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Conflict Migration Group, Honorary Doctor, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, PhD in Culturology, Professor at the Department of philosophy, Far Eastern Federal University (Russia).

Dorofeev Daniil Yur'evich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University (Russia).

Hilgendorf Eric – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Dean and Head of the Department of criminal law, criminal procedure, legal theory, data protection law and computer science law, Julius-Maximillian University, Wurzburg (Germany).

Ivlev Vitalii Yur'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Ileva Marina Levenbertovna – Doctor of Philosophy, PhD of Psychology, Professor, Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

Klyuev Aleksandr Sergeevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of music education, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Koptseva Natal'ya Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor at the faculty of art criticism and culturology, Siberian Federal University (Russia).

Kortunov Vadim Vadimovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Russian State Agrarian University – Timiryazev Agricultural Academy (Russia).

Kostina Anna Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Doctor of Culturology, Docent, Head of the Department of philosophy, culturology, political sciences, Moscow University for the Humanities (Russia).

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, Kemerovo State University (Russia).

Lisina Elena Aleksandrovna – Editor-in-chief, PhD in Philosophy, member of the International Law Association, CEO of LLC ANALITIKA RODIS, lecturer, Institute of Psychology and Psychoanalysis at Chistye Prudy (Russia).

Loiko Ol'ga Timofeevna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of culturology and social communication, Tomsk Polytechnic University (Russia).

Masalova Svetlana Ivanovna – Doctor of Philosophy, Docent, Associate Professor, Rostov Institute of Training and Retraining of Educators (Russia).

Mordovtseva Tat'yana Vasil'evna – Doctor of Culturology, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of humanities, Taganrog Institute of Management and Economics (Russia).

Nechipurenko Viktor Nikolaevich – Deputy editor-in-chief, Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of the History of cultural studies, Southern Federal University (Russia).

Nesterkin Sergei Petrovich – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department of Philosophy, Culturology and Religious Studies, Institute of Mongolology, Buddhism and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Orlov Andrei Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Professor at the theological faculty, Marquette University, Milwaukee (USA).

Orlova Nadezhda Khadzhimerzanovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University (Russia).

Osipov Igor' Dmitrievich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg State University (Russia).

Panibrattsev Andrei Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Political Sciences, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Russia).

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University (Russia).

Pronina Tat'iana Sergeevna – Doctor of Philosophy, Leading Researcher of the Research Center for Religious and Ethnopolitical Studies, Leningrad Pushkin State University (Russia).

Pus'ko Vitalii Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of information analytics and political technologies, Bauman Moscow State Technical University (Russia).

Shipovalova Lada Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University (Russia).

Skorik Aleksandr Pavlovich – Doctor of History, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of theory of state and law, Novocherkassk Polytechnic Institute, South Russian State Technical University (Russia).

Varava Vladimir Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, Vice-Rector for Research, Dean of the Religious Studies department, Russian Orthodox Institute of Saint John the Divine (Russia).

Vasilenko Inna Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of sociology, Volgograd State University (Russia).

Vezirov Timur Gadzhievich – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of International Academy of Informatization, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor at the Department of methods of teaching mathematics and computer science, Dagestan State Pedagogical University (Russia).

Vishev Igor' Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of philosophy, South Ural State University (Russia).

Volkov Vladimir Nikolaevich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor at the Department of humanities, Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism, Moscow (Russia).

ZheltoV Viktor Vasil'evich – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the faculty of political sciences, Head of the Department of political sciences, Kemerovo State University (Russia).

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Transbaikalsk State University (Russia).

Advisory Board

Benin Vladislav L'vovich – Doctor of Pedagogy, PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of culturology and socio-economic disciplines, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Russia).

Bondarenko Grigorii Vladimirovich – Master of Philosophy (Oxford), PhD in History.

Kerimov Aleksandr Dzhangirovich – Doctor of Law, Professor, member of the Expert Council under the auspices of the High Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Chief Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Sheshukova Galina Viktorovna – Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Professor at the Department of humanities, socio-economic disciplines and management, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (Russia).

Содержание

Онтология и теория познания

Хузиахметова Ирина Альбертовна

Роль и значение исихазма в русской религиозной философии.....3

Социальная и политическая философия

Дзюбенко Регина Гиясовна

Шатунова Татьяна Михайловна

Университетский человек как концептуальный персонаж.....10

Просеков Сергей Анатольевич

«Китайское чудо». Прагматизм как секрет успеха.....18

Просеков Сергей Анатольевич

Китай: формирование системы социального кредита (социального доверия).....26

Кузьменко Александр Анатольевич

Диалектика и синергетика устойчивого и неустойчивого развития
социотехноприродного мира.....32

Блинов Владимир Владимирович

Уникальные черты русской цивилизации на основании синтеза взглядов теоретиков
(социально-философский анализ).....41

Нуруллина Гульфица Мазитовна

Право и этика: коррекционные основы медийной деятельности.....52

Евлоева Фатима Рашидовна

Постмодернизм: возникновение и становление.....60

Философская антропология, философия культуры

Якушева Наталья Борисовна

Зимица Ирина Владимировна

Мацневская Светлана Ивановна

Философия космизма: актуальность идей в XXI веке.....71

Contents

Ontology and theory of cognition

Irina A. Khuziakhmetova

The role and significance of hesychasm in Russian religious philosophy.....3

Social and political philosophy

Regina G. Dzyubenko

Tat'yana M. Shatunova

The university man as a conceptual personage.....10

Sergei A. Prosekov

“Chinese miracle”. Pragmatism as the secret of success.....18

Sergei A. Prosekov

China: formation of a social credit (social trust) system.....26

Aleksandr A. Kuz'menko

Technogenic society as a factor in the evolution of the sociotechnological world: dialectics and synergetics of sustainable and unsustainable development.....32

Vladimir V. Blinov

Unique features of Russian civilization based on a synthesis of the views of theorists (socio-philosophical analysis).....41

Gul'fiza M. Nurullina

Law and ethics: correctional foundations of media activity.....52

Fatima R. Evloeva

Postmodernism: emergence and formation60

Philosophical anthropology, philosophy of culture

Natal'ya B. Yakusheva

Irina V. Zimina

Svetlana I. Matsievskaya

The philosophy of cosmism: the relevance of ideas in the 21st century71

УДК 001

Роль и значение исихазма в русской религиозной философии

Хузиахметова Ирина Альбертовна

Аспирант,
Елабужский институт,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
423604, Российская Федерация, Елабуга, ул. Казанская, 89;
e-mail: rena1909@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен разбор основной идеи исихазма и его влияния на русскую религиозную философию. Рассматривается формирование мистической традиции «умного делания» в православии, основанной на традиции Византийского церкви и ее влияние на русскую философскую мысль. Автор исследует сущностные черты исихазма, его духовную традицию и определяет роль феномена исихазма в русской религиозной философии; выявляет связь русской религиозной философии с мистической практикой византийского исихазма, применяя метод историко-философской реконструкции, а также рассматривает с помощью феноменологического подхода философское содержание данной проблемы – влияние исихазма на русскую религиозную философию. В результате выявляется проблема значения исихастской традиции и ее влияния на русскую религиозно-философскую мысль, которая на сегодняшний день мало изучена и требует дополнительного исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Хузиахметова И.А. Роль и значение исихазма в русской религиозной философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 3-9.

Ключевые слова

Мистическое христианство, исихазм, русская религиозная философия, мистическая традиция православия, умная молитва.

Введение

Исихазм оказал огромное влияние на становление русской религиозной философии. Русская религиозная традиция базировалась в своей сути на учении Византийской церкви. Причина образования такой тесной связи лежит в свою очередь в корреляции религиозно-мистической традиции Русской церкви с Византийской. Лихачев называл такое явление «трансплантацией

византийской культуры на славянскую почву». [Оболенский, 1998, с.11]

Природа такого заимствования проявилась в сфере монашества еще в Средние века. Представление о сердечном центре как вместилище разума укореняется в восточно-христианской мистике, а новое духовно-аскетическое движение только усиливает связи между различными ветвями средневекового монашества.

Григорий Синаит и Григорий Палама, которые были последователями Иоанна Лествичника часто ссылались на «Лествицу» в своих текстах; они описывали духовный путь монаха, где важным элементом святости было восхождение по лестнице Иоанна. Но чтобы взойти на нее, необходимо было постичь ощущения полного присутствия Иисусова внутри себя, вне воображения самого практика, а путем достижения сакральности бытия.

Важным элементом было постижение такого видения, которое посещает человека, но не описывает физический образ Бога и не достигается путем воображения, но достигается путем истинного видения света, как Богоявление на Фаворе. Отсюда данную практику называют еще «видение фаворского света», как явление обожженного тела Иисусова. [Мейендорф, 2000, с. 277]. Таким образом, духовная жизнь монахов была направлена на постижение этого «фаворского света» в своей молитве за счет аскетических практик и безмолвия.

Черты исихазма как культурной традиции

Аскетическая традиция, установившаяся среди монашества, была в своей сути практикой научения контролю ума и мысли, с целью восхождения от земного мира к «святым землям где обретает Бог». И существовала она в трех ее видах: пустынночество, лавра и киновия. Пустынночество поддерживалось рассказами ранних монахов-отшельников Египта и Палестины, а также практиковалось на горе Афон; «Луг духовный» Иоанна Мосха, «Лавсаик» Палладия, – эти, и другие, истории были широко известны. Лавра – это тип монашества, переходный между отшельничеством и киновией. Монахи жили отдельно, но встречались по субботам для совместной Евхаристии. Данный типа монашества был популярен в Европе благодаря славянскому переводу житий палестинских монахов, которое описал историк церкви монах Кирилл Скифопольский в VI в.

Киновийное монашество зародилось в IV в. в Верхнем Египте и развивалось до тех пор пока не приняло свою окончательную форму при св. Феодоре Студите в IX в. Студийский монастырь в Восточной Европе противопоставляли аббатству Ключни на Западе. [Оболенский, 1998, с. 312 - 314].

Монахи киновийской общины проводили совместное богослужение, аскеза сочеталась с ремеслами и учением. Монастырь занимался благотворительностью и имел свою школу. Устав, который выработал Студий, выражался следующим образом: «наилучшим и наиболее великолепным правилом, которое воистину избегает как попустительства, так и суровости».

Наибольший отклик среди церковников получает именно киновийное монашество и как следствие, на горе Афон в 963 г. возводится киновийный монастырь, который в своей основе полагается на Студийский устав [Оболенский, 1998, с. 314]. Именно этот вид монашества установился в виде преемственности византийской традиции на Руси.

Основателем скитского жительство на Руси был Нил Сорский. Преподобный старец, побывавший на Афоне, примыкает к традиции исихазма и транслирует духовно-созерцательную жизнь монашества как практически-аскетическую форму, нежели теоретико-богословскую. Он становится мыслителем, который применяет исихазм на практике, а не в

теории [Климков, 2018, 42-49]. Монах возводит Церковь в форму мистической организации, оперируя ее мистической природой и наделяет ее функцией заботы о государстве, где монахам наделено преобразование мира, но только в воздержании от суеты мирской [Зеньковский, 1991, с. 50].

Практика исихазма представляет собой мистическое приобщение к божественным энергиям. Существует описание Иисусовой молитвы из преданий Печерских монахов: «При кажущейся внешней простоте этой молитвы она требует особого сосредоточения и определенной подготовки. Эту молитвенную практику называют «умной молитвой». Возникновение ее относят к началу монашества, а некоторые исследователи считают, что она возникла еще раньше — во времена апостолов. Произнесение имени Иисуса Христа почиталось равносильным Его присутствию. На пути этого молитвенного подвига различается немало ступеней. Высшей почиталась та, на которой молитва становилась «самодвижущей», то есть звучала помимо гласного произношения самостоятельно в сердце подвижника — средоточии духовной жизни человека. На этой ступени молитва становится постоянной, не прерываясь даже во время сна. Достижение высших молитвенных состояний сопровождается экстатическими состояниями, а также видением «умного, или Фаворского» света. В Византии эта молитвенная практика получила развитие у исихастов — молчальников» [Федотов, 1990, с. 26].

Мистическое приобщение к божественным энергиям также присутствуют в «Лествице». Данное руководство к совершенствованию представляет собой некий путь к «обожению», к духовному приобщению. В данном случае молитва - «есть пребывание и соединение человека с Богом» (Лествица).

«Начало молитвы состоит в том, чтобы отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; середина же ее – в том, чтобы ум заключался в словах, которые произносим и помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу... Иное есть прилежно умом блюсти свое сердце, то есть познавать себя и наблюдать за собою ... Начальником бывает ум, когда он тем, что в нем, и тем, что около него, то есть душевными силами и телесными чувствами, хорошо управляет и направляет» [Лествичник, 2013, с. 28].

Таким образом, происходит успокоение ума, которое способствует соединению молитвы с дыханием и сердечным ритмом.

По мнению Лосева, исихастами была разработана своя система «умной молитвы», которая состояла из уровней восхождения к Обожению. Словесная молитва, грудная молитва, умная молитва и сердечная молитва, где Имя Божие сначала открывалось в слове, но не было еще нужной концентрации сознания, когда мысли еще рассеяны и недостаточно необходимой сосредоточенности. Далее в молитву начинают привлекаться гортань, грудь и сердце и в момент, когда сердце начинает биться, вместе с молитвой достигается «умный экстаз» - Лосев называет это «участие в молитве каждым ударом сердца» [Лосев, 2009, с. 10].

Это дает повод для современной трактовки феномена исихазма как «психической практики». [Казаков, 1990, с. 5]. Таким образом, практика умной молитвы становится предметом изучения религиозной философии.

Так, например, Хоружий С. связывает религиозное содержание философии с разнообразными формами сознания, феноменами человеческой психики, которая позволяет сделать этот опыт предметом наблюдения и дескрипции [Хоружий, 1995, www].

Итак, предпосылкой рождения новой традиции в русской философии становится соприкосновение с традицией исихазма, где «обожение» становится этапом духовной трансформации.

Влияние исихазма на русскую философскую мысль

Исихазм, по мнению Хоружего С.С., оставил явный след на русском сознании, для которого покаяние – единственные врата новой жизни и с которого может начинаться духовная перемена [Хоружий, 1995, www].

Зарождение религиозно-философской мысли происходит под влиянием исихастской традиции, которая распространялась благодаря переводам печерских монахов и образованиям скитских обителей, таких как Оптиная пустынь, Печерский монастырь, Саровская пустынь.

Значительный вклад в святоотеческую философскую мысль оставил Иван Киреевский, у которого была тесная связь с Оптиной пустынью.

Философия Киреевского была своего рода первым опытом общественного философствования, основанная на началах христианской целостности бытия. Идея цельности бытия личности у Киреевского заключалась в соединении мысли с верой через самопознание и самосовершенствование. Он распространяет эту идею за пределы своей аскетической практики [Судаков, 2011, с. 27].

Основной задачей святоотеческой философии Киреевский видел в любомудрии, в понимании истинного предназначения человека. Киреевский был убежден о связи представлений начал философии с представлением о святой Троице. По мнению философа, сокрытое ото всех состояний человека его внутреннее сознание, оно же глубина души, является средоточием всех сил разума, и оно одно достойно постигать высшую истину [Киреевский, 1979, с. 239].

Киреевский пишет Хомякову в их дружеской переписке о силе мысли: «Покуда мысль ясна для разума, или доступна слову, она еще бессильна на душу и волю. Когда же она разовьется до невыразимости, тогда только придёт в зрелость». По мнению философа, сила мысли в ее сокрытости и в молчании: «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше! Практическую истину можно извлечь из этого ту, что воля рождается втайне и воспитывается молчанием» [Киреевский, 2011, www]

В данном случае мы встречаемся в философии Ивана Киреевского с чертами исихазма и отсылке к практике умного делания, силе мысли и ее сдерживанию, и воплощению.

В целом, традиция изучения исихастской практики распространялась среди русских философов достаточно широко. Русская религиозная философия изучала многие аспекты духовной жизни Восточного христианства, она в своей сути основывалась на традиции мистического богословия; традиции, которая была направлена на изменение своего ума, на внутреннее преобразование, чтобы достичь мистического опыта. Философская мысль русских мыслителей была направлена на исследование «мистического богословия Восточной церкви», на изучение богословских начал, которые были необходимы для понимания духовной жизни. Так, например, по В. Лосскому, христианское богословие устремляется к своей цели – к единению с Богом. Философ говорит об этом следующим образом: «Слово, Логос, открывает нам путь к единению с Божеством, и если воплотившееся Слово не той же сущности, что Отец, если Оно – не истинный Бог, то наше обожение невозможно». [Лосский, 2001, www]

Бердяев в своей книге «О назначении человека» призывает к пробуждению духовной силы, которая находится в непробужденном состоянии. В данном случае философ говорит нам о не подавлении страстной природы человека, а о ее трансформации. Такое изменение происходит с помощью молитвы: «Вечное значение имеет молитва. Человек есть существо, молящееся... В чем суть молитвы?.. Молитва есть разговор с Существом, возвышающимся над мировым

круговоротом, над неправдой, в которую погружен мир» [Бердяев, 1993, с. 322].

Итак, такие черты исихастской практики как контроль мысли и сосредоточение ее в сердце становятся для русских философов основной идеей трансформации личности. «Умная молитва» становится способом достижения такого личностного преобразования; преобразования, которое приводит к состоянию святости или к «обожению», а состояние обожения, в свою очередь, становится средством постижения бытия Божьего или Истины.

Таким образом, феномен исихазма становится отличительной чертой русской религиозной философии. Рождается своего рода учение о преображении человека, которое происходит через соприкосновение с «истиной». Отсюда происходит стремление русской философии к онтологизации истины, где истина не может оставаться в сфере теории, она становится причастной бытию [Шапошников, 2006, с. 255].

Заключение

Подводя итоги нашему исследованию влияния исихазма на русскую религиозную философию, можно выделить фундаментальное влияние византийской мистической традиции на русское православие, рождение своей мистической традиции исихазма, основанной на скитском монашеском житии.

Традиция образования мистического социума повлияла не только на религиозную и культурную жизнь того времени, но сформировала новый виток развития мысли философской. Феномен исихазма становится отличительной чертой русской религиозной философии, который онтологизирует бытие и рассматривает истину в сфере феноменологической философии. При этом можно подчеркнуть, что формирование традиции религиозного философствования, основанного на исихастских практиках, создало большое наследие в русской философии. Русские философы были глубоко погружены в изучение мистического аспекта религиозной традиции афонских монахов, в котором видели связь с началом всех начал общей мировой философии.

Русская философия была рождена на традиции исихастов, а применение практики умной молитвы будет встречаться впоследствии в философии многих русских философов, таких как С. Булгаков, Н.О. Лосский, Н. Бердяев и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исихазм в русской религиозной философии рассматривается как процесс трансформации личности через практики контроля сознания, как процесс преобразования сознания с целью постижения умом мира божественного, что будет характеризоваться философами как «обожение» человека или соприкосновение с истиной. Высшей целью постижения такого состояния ума русские философы видели в онтологизации истины, в изучении философских начал.

Библиография

1. Бердяев Н.А. О назначении человека.: М, Из-во Республика, 1993. 383 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991. 221 с.
3. Казаков А.А. Пути исихазма в Средневековой Руси: попытка осмысления. // Историческая психология и социология истории 1/2022. С. 73–92
4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. / О необходимости и возможности новых начал для философии: Москва., Искусство, 1979. 439 с. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/o-neobhodimosti-i-vozmozhnosti-novyh-nachal-dlja-filosofii/
5. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений в 2 т. И.В. Киреевского/ под ред. М. Гершензона. 2011 [Электронный ресурс] URL: <https://predanie.ru/book/73208-polnoe-sobranie-sochineniy/>

6. Климков О.С. Значение идей исихазма в становлении русской средневековой философии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 42-49.
7. Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславью и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита с приложением перевода трактата «О божественных именах».: Санкт-Петербург «Издательство Олега Абышко» «Университетская книга — СПб», 2009. 224 с.
8. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви. Библиотека «Вехи», 2001 [Электронный ресурс] URL: <https://www.vehi.net/vlossky/01.html>
9. Прот. Иоанн Мейендорф. Святой Григорий Палама и православная мистика. Москва: Институт ДИ-ДИК, 2000. 578 с. [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/svjatoj-grigorij-palama-i-pravoslavnaja-mistika/1_4#sel=223:2,223:32
10. Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, возводящая на небо: [Перевод: братья Оптиной Пустыни. 1850 г.] - 8-е изд. - Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. 592 с.
11. Оболенский Д. Византийское Содружество наций. Шесть византийских портретов. – М.: НИЦ Ладомир, 1998. 665 с.
12. Судаков А.К. Цельность бытия. Религиозно-философская мысль И.В.Киреевского.: Рос. акад.наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2011. 191 с.
13. Федотов, Г. П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий. 1990. 124 с.
14. Хоружий С.С. Исихазм как пространство философии // Вопросы философии. – 1995. – №3. [Электронный ресурс] URL: <https://synergia-isa.ru/biblioteka/biblioteka-horuzhij/> (дата обращения 17.03.2024)
15. Шапошников Л.Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX-XXI веков. - СПб.: 2006. 327 с.

The role and significance of hesychasm in Russian religious philosophy

Irina A. Khuziakmetova

Postgraduate, Yelabuga Institute,
Kazan (Volga region) Federal University,
423604, 89, Kazanskaya str., Yelabuga, Russian Federation;
e-mail: rena1909@yandex.ru

Abstract

The article presents an analysis of the basic idea of hesychasm and its influence on Russian religious philosophy. The formation of the mystical tradition of “smart doing” in Orthodoxy, based on the tradition of the Byzantine Church and its influence on Russian philosophical thought, is considered. The author explores the essential features of hesychasm, its spiritual tradition and determines the role of the phenomenon of hesychasm in Russian religious philosophy; reveals the connection between Russian religious philosophy and the mystical practice of Byzantine hesychasm, using the method of historical and philosophical reconstruction, and also examines, using a phenomenological approach, the philosophical content of this problem - the influence of hesychasm on Russian religious philosophy. As a result, the problem of the significance of the hesychast tradition and its influence on Russian religious and philosophical thought is revealed, which to date has been little studied and requires additional research.

For citation

Khuziakmetova I.A. (2024) Rol' i znachenie isikhazma v russkoi religioznoi filosofii [The role and significance of hesychasm in Russian religious philosophy]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 3-9.

Keywords

Mystical Christianity, hesychasm, Russian religious philosophy, mystical tradition of Orthodoxy, mental prayer.

References

1. Berdyaev N.A. On the purpose of a person: M, Iz-vo Respublika, 1993. 383 pp.
2. Zenkovsky V.V. History of Russian philosophy. T. 1. Part 1. L.: EGO, 1991. 221 p.
3. Kazakov A.A. The paths of hesychasm in Medieval Rus': an attempt to comprehend. // Historical psychology and sociology of history 1/2022. pp. 73–92
4. Kireevsky I.V. Criticism and aesthetics. / On the need and possibility of new beginnings for philosophy: Moscow., Art, 1979. 439 p. [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Kireevskij/o-neobhodimosti-i-vozmozhnosti-novyh-nachal-dlja-filosofii/
5. Kireevsky I.V. Complete works in 2 volumes. I.V. Kireevsky / ed. M. Gershenzon. 2011 [Electronic resource] URL: <https://predanie.ru/book/73208-polnoe-sobranie-sochineniy/>
6. Klimkov O.S. The significance of the ideas of hesychasm in the formation of Russian medieval philosophy // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2018. Volume 7. No. 1A. pp. 42-49.
7. Losev A.F. Selected works on name-glorification and the corpus of works of Dionysius the Areopagite with the appendix of a translation of the treatise “On Divine Names”.: St. Petersburg “Oleg Abyshko Publishing House” “University Book - St. Petersburg”, 2009. 224 p.
8. Lossky V.N. An Essay on the Mystical Theology of the Eastern Church. Library "Vekhi", 2001 [Electronic resource] URL: <https://www.vehi.net/vlossky/01.html>
9. Prot. John Meyendorff. Saint Gregory Palamas and Orthodox mysticism. Moscow: Institute DI-DIK, 2000. 578 p. [Electronic resource] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Mejendorf/svjatoj-grigorij-palama-i-pravoslavnajamistika/1_4#sel=223:2,223:32
10. Venerable John Climacus. Ladder leading to heaven: [Translation: brothers of Optina Pustyn. 1850] - 8th ed. - Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2013. 592 p.
11. Obolensky D. Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits. – M.: NIC Ladomir, 1998. 665 p.
12. Sudakov A.K. Wholeness of existence. Religious and philosophical thought of I.V.Kireevsky.: Ross. Academic Sciences, Institute of Philosophy. – M.: IFRAN, 2011. 191 p.
13. Fedotov, G. P. Saints of Ancient Rus'. M.: Moscow worker. 1990. 124 p.
14. Khoruzhy S.S. Hesychasm as a space of philosophy // Questions of philosophy. – 1995. – No. 3. [Electronic resource] URL: <https://synergia-isa.ru/biblioteka/biblioteka-horuzhij/> (access date 03/17/2024)
15. Shaposhnikov L.E. Conservatism, modernism and innovation in Russian Orthodox thought of the 19th-21st centuries. - St. Petersburg: 2006. 327 p.

УДК 1.130.2**Университетский человек как концептуальный персонаж****Дзюбенко Регина Гиясовна**

Начальник отдела аттестации научно-педагогических кадров,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: regda@mail.ru

Шатунова Татьяна Михайловна

Доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры социальной философии,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: shatunovat@mail.ru

Аннотация

На материале анализа значимых тенденций эстетизации университетского образования авторы статьи обнаруживают в современном образовательном пространстве университета появление и утверждение концептуального персонажа университетского человека. В статье представлены социально-типические характеристики современного университетского человека, а также противоречивый характер путей его становления. Авторы ставят вопрос о возможности создания в современной социальной философии концепта «Университетский человек», для разработки которого привлекают дискурс эстетики социального. Авторы считают, что университетский человек в реалиях современных образовательных процессов университетов становится не только культурным героем нашего времени, но и своеобразным концептуальным персонажем со своей собственной жизненной и философской позицией. Методология исследования включает в себя теорию идеальных типов М. Вебера и принцип концептуализации Ж. Дёлеза и Ф. Гваттари.

Для цитирования в научных исследованиях

Дзюбенко Р.Г., Шатунова Т.М. Университетский человек как концептуальный персонаж // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 10-17.

Ключевые слова

Концепт, концептуальный персонаж, университетский человек, эстетика социального, эстетизация образовательных процессов.

Введение

Процесс образования в современном университете предполагает множество радикальных изменений, что с необходимостью вызывает к жизни появление новых и трансформации традиционных социальных типов личности, присутствующих в университетском образовательном процессе. Одним из процессов со сложными и противоречивыми перспективами можно считать эстетизацию университетского образования. С одной стороны, эстетизация служит привлекательной «упаковкой» для товара под названием «образовательные услуги». С другой стороны, подлинная эстетика необходима в университете как способ гармонизации разнонаправленных тенденций университетской жизни, противоречия которых не решаются административным путем. Они разрешаются каждый день в работе сотрудников университетского сообщества, которые личностным, «биографическим» путем, просто своей жизнью и работой разрешают эти неразрешимые коллизии. Таким «культурным героем» современного университета становится тип личности, который обозначается достаточно привычным словосочетанием «университетский человек». Представляется, что сегодня есть причины (развитие философии образования как особой отрасли социально-философского знания; значимость человеческой, субъектной составляющей в решении всех университетских проблем) для того, чтобы слово, термин обрел статус полноценного философского концепта, который способен выполнить познавательную задачу экспликации университетского человека как концептуального персонажа.

Университетский человек: от концепта к концептуальному персонажу

Ж. Делёз и Ф. Гваттари полагают главной задачей философии формирование, изобретение, изготовление концептов [Делёз, Гваттари, 2009, с. 6]. Концепт – своеобразный «устойчивый сгусток смысла» [Зенкин, 2009, с. 255], его пространственная форма, «кристалл или самородок» [Зенкин, 2009, с. 255]. Концепты возникают в результате и на стыке работы как массового сознания, так и творчества мыслителей, философов, социальных теоретиков [Сиюхова, Куева, 2021, с. 248]. «Каждый концепт отсылает к некоторой проблеме, к проблемам, без которых он не имел бы смысла и которые могут быть выделены или подняты лишь по мере их разрешения» [Делёз, Гваттари, 2009, с. 22], – пишут Ж. Делёз и Ф. Гваттари. Более того, как считает А.Е. Радеев, «Концепт формируется на стыке проблем» [Радеев, 2023, с. 142] и становится плотным и устойчивым, если проблемы не решаются.

Концепты представляют собой своеобразный инструмент анализа этих проблем и тенденций развития современного социума, мыслительных, идейных движений и т.п. Концептуализация понятия «университетский человек» предполагает как способ осознания сложности, противоречивости существования современного субъекта университетского образовательного процесса, так и точку роста надежды на лучшее университетское будущее: возможно, несмотря на все перипетии динамики современной образовательной среды сам персонаж университетской сцены способен (где-то вопреки, а где-то и благодаря самым сложным реалиям) вывести и вынести на себе все проблемы, вырастить следующее поколение (или вырасти в качестве такового), вполне адекватное задачам современного общества. В этой

связи, вполне возможно, что «университетский человек» – понятие, которое может и должно быть сегодня концептуализировано.

Первым шагом такой концептуализации представляется, на наш взгляд, веберовский идеальный тип. Это не реальный человек, а когнитивный инструмент для постижения сложной и многослойной ситуации в современном социуме. Идеальный тип на самом деле совсем не идеален: данный концепт фокусируется на наиболее типических, «чистых» чертах феномена, избегая при этом оценочных суждений. Идеальный тип, по Веберу, представляет собой «чисто идеальное пограничное понятие, с которым действительность сопоставляется, сравнивается, для того чтобы сделать отчётливыми определённые значимые компоненты её эмпирического содержания» [Вебер, 1990, с. 393].

Что дает применение этого инструмента по поставленному вопросу? Обнаруживается, что конституируемый идеальный тип «университетский человек» способен зафиксировать вполне реальные противоречия в облике соответствующего персонажа: с одной стороны, обнаруживается целый ряд научно-исследовательских, педагогических, эстетических и нравственных добродетелей, с другой стороны, реальность жизни человека в университете включает в себя наемный характер его труда со всеми вытекающими последствиями. Так, университетский человек оказывается производителем, продавцом или покупателем образовательных услуг, а не просто представителем научного и/или образовательного сообщества. Кроме того, он обязан подчиняться не просто чувству нравственного долга, но и требованиям корпоративной этики университета, а это далеко не всегда совпадающие императивы. Корпоративные интересы университета предполагают, к примеру, следование Приоритету 2030, а с этой целью – политике омоложения кадров, участия в публикациях БД Scopus, необходимости обучать на всех специальностях иностранных учащихся фактически независимо от степени их владения русским языком и т.п. Любой сотрудник или студент университета встроен в его иерархическую управленческую систему, что предполагает определенные рамки его поведения. Наконец, сотрудник университета находится от него в полной экономической зависимости, что во многом определяет его жизнь. Поэтому типическими чертами части преподавателей являются страх оказаться за бортом, способность, если не склонность, к разного рода компромиссам, в том числе и со своей совестью. Концепт «университетский человек», отражает неоднозначность, противоречивость своего референта, тогда как концептуальный персонаж представляет тенденции движения к разрешению противоречий: где-то намечаются варианты решений, где-то путь компромиссов оказывается вполне конструктивным. Отсюда с необходимостью следует, что быть университетским человеком – не просто некоторая реальность, это жизненная проблема, не то, что дано, а то, что задано, поставлено как задача. И даже теоретически, дискурсивно, она не так просто решается. Отметим сразу, что далеко не все сотрудники и студенты университета соответствуют идеальному типу «университетский человек»: нахождение в стенах университета не является условием того, что узел противоречий завяжется в душе и жизни каждого, кто официально принадлежит штату или контингенту учащихся.

Однако в повседневной университетской жизни находятся даже такие сотрудники и студенты, которые готовы эти противоречия еще и разрешать. Мы склонны искать в этом феномене характеристики не просто «чистые», как следовало бы по М. Веберу, но и идеальные в смысле «самые лучшие». Такой человек в университете, будь то студент или преподаватель, лаборант или сотрудник вспомогательного подразделения, стремится гармонизировать в своей

жизни самые противоречивые процессы. Это одна из тех ситуаций общества риска, о которых пишет З. Бауман, цитируя У. Бека, когда от человека требуется «биографическое решение системных противоречий», когда человек поставлен перед проблемами, «с которыми можно бороться только самостоятельно и которые могут быть преодолены, если это вообще возможно, лишь личными усилиями» [Бауман, 2005, с. 187].

Как можно схватить эту логику гармонизации в теории? Здесь нам поможет «концептуальный персонаж» Делёза и Гваттари. Это концепт, который дает возможность уловить самые разные тенденции его существования в плане имманенции, который условно обозначим как Пайдейю. План имманенции представляет собой, по выражению С. Зенкина, переводчика Делёза и Гваттари, не что иное как «образ мысли». Двусмысленное выражение, один из смыслов которого – способ мыслить, культурно-историческая «манера», стиль мышления; второй смысл – буквально художественно-эстетический образ, форма мысли, легко представимый даже пространственно, в виде романтизированных отношений в системах «ученик – учитель», «студент – университет». В нашем случае таким планом имманенции для университетского человека выступает поэтизированное во многих культурах концептуальное пространство пайдейи [Зенкин, 2009, с. 255].

В этом плане, пересекающем как мысль «философа образования», так и жизнь университетского сообщества, кишат и роятся самые разные идеи и концепты, схватывающие тенденции взаимодействий студентов, преподавателей, руководства, образовательных практик и смыслов университетской жизни. Толщи этого плана, наверняка, могут содержать и такие пласты, в которых можно обнаружить движения сближения, гармонизации соотношения идеального и идеала в характеристиках исследуемого социального типа.

Концепт как фрагмент дискурса, обладает некоторой степенью самостоятельности и даже властности: назвался груздем – полезай в кузов. Назвали, или хочется, чтобы назвали университетским человеком, – становись, будь им. Концепт представляет собой в этом смысле «некое мыслительное событие» [Зенкин, 2009, с. 255], которое совершается концептуальным персонажем, образуя путь следования некоторой тенденции, вот почему за концептуальным персонажем нередко скрывается сам философствующий. Так, например, Ницше иногда подписывался как «Антихрист» или «Дионис распятый». Уже эти примеры свидетельствуют о том, что концептуальный персонаж – не философ во всей его эмпирической жизненности, не реальный мыслитель, а его «внутримысленный заместитель-«заступник», вроде святого угодника на небесах» [Зенкин, 2009, с. 255]. Делёз и Гваттари пишут, что «Концептуальный персонаж – это не представитель философа, скорее даже наоборот, философ предоставляет лишь телесную оболочку для своего главного концептуального персонажа и всех остальных, которые служат высшими заступниками, истинными субъектами его философии. Концептуальные персонажи – «гетеронимы» философа, а имя самого философа – просто псевдоним его персонажей. Я – больше не я, но способность мысли видеть себя самое и развиваться через план, который в нескольких местах проходит сквозь меня» [Делёз, Гваттари, 2024, с. 74].

Концептуальный персонаж «университетский человек» не может оставаться чуждым мысли, мышления и осознания университетского бытия. Так или иначе все, кто находится в стенах университета, мыслят университетскую жизнь, но далеко не каждый мыслящий становится университетским человеком. Университетский человек складывается как концептуальный персонаж, если его философия жизни в университете хотя бы в общих чертах не расходится с самой этой жизнью. В противном случае получим просто-напросто аутсайдера, чье существование в университете окажется проблематичным.

Концептуальный персонаж «университетский человек» в плане эстетического поворота образовательных практик

Итак, планом имманенции для концептуального персонажа «университетский человек» служит круг понятий и проблем Пайдейи. Обычно у Делёза и Гваттари концепт совпадает с планом имманенции. В данном случае это невозможно: если концепт «университетский человек» схлопнется с планом имманенции под общим именем Пайдейи, то сам концептуальный персонаж потеряет свое субъектное начало, растворится в процессуальности дискурсов и университетских практик и просто перестанет существовать. Однако в жизни нередко университетский человек отстаивает собственные позиции, сохраняет свои нравственные принципы, иногда даже вплоть до того, что теряет свое место в университете. Он становится слишком «идеальным» и в силу этого избыточным относительно университетской повседневной жизни, но настолько самодостаточным, что – парадоксально – способен жить и за пределами университета. В силу этого концептуальный персонаж «университетский человек» никак не может просто совпасть с планом имманенции под именем Пайдейи. В этом плане не просто роятся понятия, там складываются определенные тенденции решения проблем, и концептуальный персонаж «университетский человек» в эти тенденции вполне может «не вписаться». Вот почему концептуализация феномена университетского человека проходит не по пути совмещения концепта и плана имманенции, а по пути совмещения, совпадения концепта и концептуального персонажа. Именно в таком совмещении концептуальный персонаж «университетский человек» сохраняет за собой свое реальное означаемое, что осуществляется, на наш взгляд, в практиках *эстетического поворота* в образовательных отношениях. Подобные практики предполагают, на наш взгляд, два аспекта.

Первый из них – это складывание такого плана, который возможен далеко не только в деятельности художника, создающего произведение искусства: с точки зрения Ж.-Ж. Руссо, главное искусство человека – не произведения, а красота взаимоотношений людей, что является максимально значимым для практик вузовского образования, особенно университетского. Именно сотрудник и выпускник университета должен стать тем самым главным произведением искусства, которое является результатом образовательной деятельности. Специализированный вуз может «позволить» себе выпуск просто специалиста, университет не имеет такого права. По своей природе университет обязан выпустить из своих стен универсальную, гармонично развитую личность, обладающую композиционным единством профессиональных качеств, эстетических и нравственных добродетелей. Это должен быть в лучшем смысле слова современный человек, формирующий адекватные представления о мире и социуме, обладающий чувством ответственности за свое пребывание в нем, имеющий значимый культурный багаж, владеющий IT-технологиями, способный взаимодействовать с искусственным интеллектом и в то же время умеющий выстраивать конструктивные отношения с людьми в современном университетском сообществе. Говоря об «установке современности», М. Фуко полагал, что в ней «высокая ценность настоящего неотделима от стремления представить его иным, чем оно есть, преобразовать его, причем не разрушая, а схватывая его таким, как оно есть», что это «опыт, в котором сталкиваются, с одной стороны, предельное внимание к реальности, а с другой – практика свободы, одновременно и уважающей эту реальность, и вторгающейся в нее» [Фуко, 2002, с. 347]. Главное, что установка современности предполагает еще и «необходимый способ отношения к самому себе. Добровольно принятая установка современности связана с неизбежным аскетизмом. Быть современным означает не

принимать себя самого таким, каким ты стал в потоке времени, а отнестись к себе как к объекту сложной и тяжелой работы» [Фуко, 2002, с. 347].

Обретение таких качеств – это практический процесс этико-эстетического характера, в котором университетский человек в своих практиках (научных, образовательных, организационных) пытается гармонизировать противоречивые логики университетской жизни, и где гармония выступает процессуально, как конструктивная разрешаемость противоречий, на почве которой, естественно, каждый раз возникают новые.

Второй аспект эстетического поворота в современных практиках университетского образования предполагает необходимость «социализации эстетического»: гармоничные отношения невозможны, если главный «продукт» университетского творчества – это индивидуалист, живущий только своими профессиональными интересами. Такое университетское «Эго» – антипод концептуальному персонажу университетского человека и помеха на пути его становления. Концептуальный персонаж «университетский человек» может сложиться, если удастся бороться с оголтелым индивидуализмом, не только вокруг, но и со своим собственным. Университетский человек осознает необходимость и практикует поиск различных форм совместности в системах «преподаватель – студент», «студент – студент», «я – коллеги» и многих других. Все эти системы становятся предметом мысли, серьезной умственной, интеллектуальной работы университетского человека, по сути, превращая его в мыслителя, в философа, причем не всегда профессионального. Кроме того, этот поиск форм совместности представляет собой своего рода социальное искусство гармонизации, «набор художественных практик, которые берут в качестве теоретической и практической отправной точки всю сферу человеческих взаимоотношений и их социальный контекст, а не независимое и личное пространство» [Буррио, 2016, с. 34].

Заключение

В качестве основного вывода отметим следующее и, возможно, самое главное: пишущий о концепте «университетский человек» вольно или невольно в какой-то мере сам становится соответствующим концептуальным персонажем, обретает его черты. Согласимся с Делёзом и Гваттари в том, что судьба настоящего философа – не только изобрести свой концептуальный персонаж, но и стать им. Концептуальный персонаж представляет собой субъекта философствования, равного самому философу. Тогда получается, что «прописывание», философское «помысление» концепта представляет собой одновременно своеобразную философскую практику становления концептуальным персонажем, имя которому «Университетский человек». Само занятие выявления его специфики побуждает выявляющего примерять на себя хотя бы некоторые обнаруженные характеристики и становиться тем субъектом, который составил предмет данного исследования.

Библиография

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. / З. Бауман. М.: Логос, 2005. 390 с.
2. Буррио Н. Реляционная эстетика. Постпродукция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 216 с.
3. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания / Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990, 810 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009. 261 с.
5. Зенкин С. Послесловие переводчика. / Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009, с. 254-260.

6. Радеев А.Е. Кринж как проблема. // Логос, 2023, № 5 (33), с. 141-154.
7. Сиюхова А.М., Куева Э.М. Интерпретация теории «идеальных типов» М. Вебера применительно к эмпирическому социологическому исследованию // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 248–253.
8. Фуко М. Что такое Просвещение? / Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002, с. 335-359.

The university man as a conceptual personage

Regina G. Dzyubenko

Head of the Department for Attestation of Scientific and Pedagogical Staff,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: regda@mail.ru

Tat'yana M. Shatunova

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor at the Department of Social Philosophy
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: shatunovat@mail.ru

Abstract

The article deals with the process of aestheticisation of the modern university educational process. The subject of the article is the process of formation of the conceptual personage 'university man' in response to the request to solve the contradictions of the education system by means of the university-type man' personal energy. The purpose of the research is to explicate the phenomenon and concept 'University man', to present the university man as a conceptual personage capable to solve the systemic contradictions of the university educational process. The research methodology includes M. Weber's theory of ideal types and the principle of conceptualisation by J. Deleuze and F. Guattari. The application of the *aesthetics of the social*' discourse enables the authors to explicate the conceptual personage 'University man' as a designation of the university life' cultural hero in our time. The authors conclude: the 'university man' as a conceptual personage in his philosophical practices turns out to be capable of resolving the contradictions of the university education process. He harmonises the relations of various education agents, creating a kind of aesthetic community of students, teachers, professors and university staff.

For citation

Dzyubenko R.G., Shatunova T.M. (2024) Universitetskii chelovek kak kontseptual'nyi personazh [The university man as a conceptual personage]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 10-17.

Keywords

Concept, conceptual character, university man, aesthetics of the social, aestheticisation of educational processes.

References

1. Bauman Z. (2005), *Individualised Society* / Translated from English [Individualizirovannoe obshchestvo / Per. s angl. / Z. Bauman]. Logos, Moscow, 390 p.
2. Burrio N. (2016), *Relational Aesthetics. Postproduction*. [Relyatsionnaya estetika. Postproduksiya], Ad Marginem Press, Moscow, 216 p.
3. Veber M. (1990), 'Objectivity' of socio-scientific and socio-political cognition / Weber, M. Selected works. [«Ob"ektivnost'» sotsial'no-nauchnogo i sotsial'no-politicheskogo poznaniya], Progress, Moscow, 810 p.
4. Deleuze J., Guattari F. (2009), *What is Philosophy?* / Transl. from Fr. and afterword. C. Zenkin. [Chto takoe filosofiya? / Per. s fr. i poslesl. S. Zenkina], Akademicheskii proekt, Moscow, 261 p.
5. Zenkin S. (2009), Afterword by the translator. / Deleuze J., Guattari F. *What is Philosophy?* [Posleslovie perevodchika. / Delez Zh., Gvattari F. Chto takoe filosofiya?], Akademicheskii proekt, Moscow, pp. 254-260.
6. Radeev A.E. (2023), Krinzh as a problem. [Krinzh kak problema // Logos, 2023, № 5 (33)], pp. 141-154.
7. Siyukhova A.M., Kueva E.M. (2021), Interpretation of the theory of 'ideal types' by M. Weber in relation to empirical sociological research [Interpretatsiya teorii «ideal'nykh tipov» M. Vebera primenitel'no k empiricheskomu sotsiologicheskomu issledovaniyu] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya, V. 21, is. 3, pp. 248-253.
8. Fuko M. (2002), *What is Enlightenment?* / Foucault Michel. *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews* [Chto takoe Prosveshchenie? / Fuko Mishel'. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu*], Moscow, Praxis, pp. 335-359.

УДК 130.2**«Китайское чудо». Прагматизм как секрет успеха****Просеков Сергей Анатольевич**

Кандидат философских наук, доцент,
заместитель заведующего Редакцией научных журналов,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Аннотация

В статье обсуждаются некоторые важные аспекты «китайского чуда». В связи с превращением Китая в лидера мирового сообщества дается характеристика теорий опережающего развития Азии. Автор рассматривает прагматизм как существенную особенность китайского менталитета, которая определяет и политику КНР, как внешнюю, так и внутреннюю, и тип отношений между людьми. В заключении показано, что ссылки на книжную культуру раздражают китайцев, для них принципы Конфуция и Лаоцзы растворены в ткани повседневной жизни и в этом смысле не выделены особо. Как свидетельствуют специалисты, китайцы, если это не связано с их профессией, действительно мало их читают и плохо знают, но им это и не нужно. Ситуация здесь подобна ситуации в современных лютеранских странах, где плохо знают лютеранство, а количество верующих сокращается, но его нормы настолько вошли в плоть и кровь культуры, что им следуют сегодня даже безрелигиозные граждане; или ситуации в России, где нормы менталитета были заданы православием, а теперь им нередко следуют и атеисты. В Китае трансляция этих норм все еще достаточно жестко обеспечивается ритуализмом как важнейшим качеством культуры. При этом прагматизм китайцев часто оборачивается и другой своей стороной – утилитарным отношением ко всему, и к людям, не имеющим отношения к их клану, в том числе.

Для цитирования в научных исследованиях

Просеков С.А. «Китайское чудо». Прагматизм как секрет успеха // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 18-25.

Ключевые слова

Китай, прагматизм, менталитет, Великая дивергенция, Великая конвергенция, национальный характер, Макс Вебер, Фернан Бродель.

Введение

Долгое время Европа считала Китай отсталой страной, которая, пробудившись от своего векового философского сна и неподвижности с приходом в Срединное царство динамичных европейцев в XIX столетии, с тех пор постоянно находится в позиции догоняющего развития. Нехотя признавая первенство китайцев в таких цивилизационных достижениях, как

изобретение бумаги, пороха, компаса, книгопечатания и будучи убежденными европоцентристами, белые люди посчитали, что подобные открытия – в прошлом, принадлежат лишь давно минувшим эпохам. Открытий в Китае, конечно, было существенно больше. Но китайские технологии в основном и прежде всего считались или «лженаукой», как акупунктура, или малоценными, поскольку не получили вследствие закрытости страны широкого распространения именно из Китая и были переоткрыты на Западе, либо не имели практического применения в самом Китае, как коксовый чугун в XIV столетии [Бродель, www...] или флот в Древнем Китае, который использовался «во славу императора», а не для торговых сношений и географических открытий. Культурные достижения европейцами определялись как значимые лишь для самого Китая, а не для иных стран, как китайский театр или литература. Более поздний Китай утратил вообще всякую динамику, в то время как подлинный прогресс, по мнению этих исследователей, принадлежит по определению европейцам. Такие взгляды были мейнстримом в Европе и Америке вплоть до конца XX – начала XXI вв., когда сама по себе европоцентристская позиция стала подвергаться сомнению и когда случилось «китайское чудо»: Поднебесная, как это виделось внешним наблюдателям, внезапно очнулась от тысячелетнего сна и стала лидером в глобализирующемся мире. Это вызвало сложный комплекс эмоций, представлений, теорий и практических шагов: недоумение, страх, интерес, активизацию культурных и торгово-экономических связей с «тигром Азии», стремление его сдерживать, контролировать и, в числе прочего, появление теорий опережающего развития Китая, которые, в частности, разделяет известный отечественный востоковед А.А. Маслов. Эти теории связывают «китайское чудо» не в последнюю очередь с особенностями китайского менталитета.

Основная часть

Классическим представителем теории отставания Поднебесной был немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920). Он высказывает положения, согласно которым, вероятно, в древности в Китае существовали антропоморфные боги и вера в обретение бессмертия для достигших совершенства и обитание их в царстве вечного блаженства, но более поздние версии просвещенных конфуцианцев гласят, что душа после смерти как бы растворяется в неантропоморфном божестве, бесформенном флюиде, однако основная ориентация китайского мироощущения даже там, где возобладали даосские или буддийские влияния, – посясторонняя [Вебер, 2017, с. 270-271]; даже у даосов аскетический идеал оправдывался желанием продлить свою жизнь [Вебер, 2017, с. 319]. Данное обстоятельство Вебер считает одной из кардинальных причин того, что в Поднебесной не развился капитализм западного типа – и это один из парадоксов теории Вебера: ориентация на посясторонние интересы не способствует зарождению капитализма, а ориентация на потусторонние интересы, как в протестантизме, возникновению буржуазных отношений способствует.

По Веберу, именно демократический режим правления и тип личности, сформированный прежде всего протестантизмом, т.е. трудоголик с отсроченным личным потреблением и аскетическим бытом, при утверждении формально правовой системы в государстве, постепенно минимизировавшей произвол прежнего нобилитета, обеспечил расширенное воспроизводство товаров, поскольку прибыль не тратилась «на жизнь», а вкладывалась в производство. Согласно кальвинистскому вероучению, никакие земные дела не в состоянии изменить предопределенность одних душ к аду, других – к раю, однако на этой основе развился не

фатализм, поощряющий бездеятельность, а, напротив, активизм, поскольку единственным косвенным признаком богоизбранности ко спасению могли служить деловые успехи человека. Таким образом, именно культурные нормы во многом определяют возникновение или отсутствие буржуазной организации общества, хотя никакая хозяйственная этика, как указывал М. Вебер, не является исключительно религиозной, а связана с образом жизни, который также определяется социально-экономическими и др. условиями [Вебер, 2017, с. 24-25].

Китайские культурные нормы как будто вовсе не могли породить капитализм, но то, что сегодня называют китайским капитализмом, расцвело в последней четверти XX столетия, а в XXI веке вывело Китай в лидеры мирового развития. Вебер же в поисках объяснения специфики западной рациональности и истоков общества Модерна полагал, что важнейшую роль в Европе сыграли, среди вышперечисленного, идея личного Бога и сотериология, которых не было в конфуцианском Китае, а потому там, по мнению социолога, нет предпосылок для возникновения капитализма. Безличное Небо – носитель и образец вечного космического порядка, поэтому, как полагал Вебер, китайский дух – адаптивный, приспособительный, ориентированный на посюсторонность (и это парадокс: земные интересы не способствуют развитию капитализма, поскольку гедонистичны, а заботы о загробной жизни способствуют), а не преобразующий, не овладевающий, не ориентированный на потусторонность и благополучный в нее переход, как в Новое время на Западе.

Заметим, однако, что тут следовало бы говорить не о «земных интересах», а о краткосрочных, в отличие от долгосрочных. Действовать в долгосрочных интересах возможно при наличии хотя бы минимальной «подушки безопасности» в виде достаточных средств на ежедневные нужды, что для огромного большинства китайцев веками было недостижимой мечтой.

Рассуждая за неимением лучшего термина о развитии капитализма в Китае, постоянно следует иметь в виду, что это не совсем буржуазные отношения или совсем не буржуазные, называть ли их даосско-конфуцианским капитализмом или даосско-конфуцианским социализмом. Важно подчеркнуть условность этих обозначений и помнить о них.

Со времен Античности, которая является истоком и первым этапом становления цивилизации Запада, мир считался законосообразным, это космос, организованность, порядок. Отсюда – и идеи возможности его познания, отсюда же – и моральное убеждение в том, что человеку следует лишь познавать и поддерживать такой порядок. Китайский император, «сын Неба», во главе своих чиновников-мандаринов также обеспечивал порядок среди людей, соответствующий порядку Неба. Поэтому само соображение М. Вебера о важнейших причинах «застоя» китайского общества вследствие отсутствия идеи личного Бога и заманчивых перспектив сотериологии будет теперь в науке подвергаться жесткой критике.

Непосредственное отношение к пониманию модернизации имеют и постулаты М. Вебера о степени «рационализации» религиозных воззрений и присутствию/отсутствию экстатических состояний в культе. Он полагал, что чем выше рационализация и меньше экстатичности, тем скорее такая культура порождает буржуазные отношения. Уровень рационализации он определял через степень свободы от магии и разработанность представлений о Боге, мире и человеке (антропологии) [Вебер, 2017, с. 369].

Что касается степени «магичности», то для ее оценки в сравниваемых Вебером протестантизме и китайской ментальности, описанной им как контаминация конфуцианства и его «ересей» – прежде всего даосизма, а также буддизма, – то тут следует заметить, что конфуцианцы скорее терпели магию, считая ее полезной для народа, хотя и верили в

действенность магии, которую, однако, способна побеждать добродетель, они бы решительно отвергли идею о принудительности для Неба действовать по воле мага, о возможности сделки с Небом. С другой стороны, вопрос об удельном весе («больше/меньше») магизма в развитых религиях корректно решать только в рамках одной конфессии. Но есть ли объективные критерии для сравнения даосско-конфуцианской и протестантской ментальности в этом отношении? Ответ видится отрицательным.

В любом случае старания Вебера подвести рациональные основания под положение о вечной «отсталости» Китая, которое принято им за аксиому, оказываются не слишком состоятельными.

Французский историк Фернан Бродель (1902–1985) писал о догоняющем развитии Востока, утверждая тезисы о запаздывающем формировании товарно-денежных отношений и банковской системы на Востоке несмотря на то, что экономическая система Поднебесной является рыночной с самых древних времен [Бродель], однако рынок – не капиталистическое изобретение. Кроме того, люди в Китае использовались как домашний скот, указывал Бродель, эта страна при всех своих достижениях не смогла войти в лоно современной науки, как писал историк в работе «Грамматика цивилизаций». Относительно неблагоприятного режима политического правления Бродель согласен с мнением Вебера: «Китайское государство, несмотря на сговор торговцев и коррумпированных мандаринов, было бесконечно враждебно расцвету капитализма, который даже если и развивался по воле обстоятельств, то всякий раз в конечном счете безжалостно ставился на место тоталитарным, в известном роде, государством... Настоящий китайский капитализм развивался лишь за пределами Китая, например, в странах Малайского архипелага, где китайский торговец пользовался полной свободой действий» [Бродель, www...].

Однако в последнее время эти подходы меняются. А.А. Маслов говорит, что «за последние десятилетия мы заметно пересматриваем наши взгляды на Восток, и целый ряд работ, опубликованных прежде всего на Западе, а частично и в России, показывают, что это глубочайшее заблуждение — считать, что Восток отставал. На мой взгляд, и я здесь присоединяюсь ко многим коллегам, которые опубликовали соответствующие работы (это и Ян Моррис, и Кеннет Померанц, и ряд других авторов), Восток как раз опережал Запад, и выпадение в XIX веке по культурно-историческому и экономическому развитию – это как раз сбой механизма, а не норматив развития» [Маслов, www...].

Следовало бы уточнить, что такие авторы чаще пишут о темпах развития Азии, Ближнего Востока и Европы в основном вровень – до какого-то времени, например до середины XVIII столетия, когда начинается Великая дивергенция (термин американского социолога С. Хантингтона), или «европейское чудо», расхождение между глобальным Севером и глобальным Югом, а позже – между Восточной Азией и Западом, в результате чего в XIX в. Европа и часть Нового Света стали ведущим типом цивилизации – в соответствии с собственными критериями. Но в соответствии с теми же европейскими критериями в конце 1980-х гг. наступает эпоха Великой конвергенции – большая часть стран Третьего мира по темпам экономического развития обгоняет основные страны Первого мира. Именно к последней эпохе относится и «китайское чудо», которое, как выясняется, не должно считаться чудом.

По данным А.А. Маслова, до прихода в Китай европейцев в середине XIX в. Среднее царство производило от 25 до 35% мирового ВВП, и только с превращением Китая в полуколониальную страну объем ВВП падает. До того, полагает Маслов, Китай кормил товарами если не половину мира, то весь азиатский мир [Маслов, www...]. При навязанных

европейских моделях развития экономика стагнирует, а сегодня, когда Китай производит ок. 15% мирового ВВП, возрождается традиционная модель развития. И далее исследователь называет главные особенности этой традиционной модели. Огромные корпорации и банковская система были созданы в Китае задолго до Запада. Китайцам, страдавшим прежде всего не от чумы, в результате которой Европа пустела, т.е. вымирали производители, а от саранчи или разлива рек, когда прежде всего разрушались дома и страдали посевы, удавалось сохранять производственный опыт, поскольку выживали производители.

Зато Европа умела сохранять зерно, развивала военную мощь, чего не делала Азия, и в поисках новых рынков проводила широкую экспансионистскую политику, в то время как Поднебесная замкнулась в своем регионе.

Преодолев эти три главных фактора отставания, Поднебесная произвела «китайское чудо». Китай никак и никому не навязывает свою культуру и модели развития, однако он предельно прагматичен и умеет перенимать и адаптировать, «китаизировать» иностранные новации и, следуя своим образцам, производить много и разнообразно.

Прагматизм – не просто черта политики государства, это – одно из важнейших качеств китайского менталитета и национального характера, которое долгое время не замечалось взглядом извне, чужеземными глазами.

Базовые основы китайского менталитета, определяющие и направляющие все остальные особенности народа, – пространство, время, существование, мир как сеть, люди как сеть – оказались наиболее релевантными нынешним вызовам времени, о чем автор настоящей статьи подробно писал в других публикациях и в своей докторской диссертации. Но это глубинные основы китайской ментальности, которые впитываются ребенком по мере взросления незаметно и которые не замечаются самими носителями этих качеств, которые они не выбирают – они им обучаются в повседневной жизни. Целый ряд особенностей китайского национального характера и психологии, культуры в целом также при изучении оказываются чрезвычайно прагматичными.

Говоря о национальном китайском характере, имеют в виду ненаследуемые, но передаваемые в процессе воспитания устойчивые социокультурные нормы и ценностные ориентации китайцев, характерные для них способы переживания эмоций и распространенные идеологические комплексы, а также их мотивации, составляющие основу национальной идентичности. Этническое и социальное разнообразие слоев населения в Поднебесной велико, поэтому, говоря о китайском национальном характере, надо иметь в виду, что это, скорее, нормативный образец (совокупность образцов), который, конечно, имеет тесные связи с реальными особенностями характеров и этосом общности, однако не тождествен последним. Правда, нельзя забывать, что именно традиционные ценности в условиях модернизации все чаще подвергаются разложению.

Основными «несущими» конструкциями китайского национального характера являются «семейственность» – культ или, как сегодня все чаще встречается, особое почтение к роду и ближнему кругу, к семье непосредственно, а значит – особое отношение к детям и старикам; признание нормой патернализма в самом широком смысле слова – иерархического устройства семьи, клана, государства. И что бы ни говорили об авторитаризме китайских порядков, в условиях огромного, почти уже полуторамиллиардного населения, большой скученности проживания и мобилизационных задач эти качества очень прагматичны. Дети как будущее семьи, материальная опора будущего существования рода – это прагматика. Старики и предки как истоки семьи, обеспечивающие преемственность рода и тесные связи кланов, – это

прагматика.

Власть (император или партия) – проекция Неба на Земле. Потому бунт против власти традиционно в Китае подавляется самым беспощадным образом, ибо это есть бунт против Неба. От того, как соблюдается установленный порядок в дольном, оказывается, зависит не только дольнее, но и горнее. И это отношение к власти остается важнейшей характеристикой китайского национального характера. Отношения с властью задает сам принцип социальности в китайской культуре, который является главным. Тут еще раз следует оговориться, что главенство принципа социальности не означает доминирования коллективизма и умаления индивидуальности: эти категории вообще плохо подходят для описания китайского менталитета.

Китайскую антропологию закладывает учение Конфуция о «человечности», в этом понятии в снятом виде объединены противоположности: высочайшая ценность автономного человека, который, однако, только тогда человек, когда он со-общителен, со-чувственен с иными людьми. «Человечность» не осуществлена в мире, в этом смысле это утопия, однако она «всегда близко». Нельзя не признать, что это очень прагматичный подход, с одной стороны – задающий цели, с другой – мобилизующий на их достижение в интеграции и единстве.

Китайская «личность» – это знаменитое «лицо», т.е. его вписанность в социум и в этом смысле – подчиненность социуму. Однако китайская культура всегда была агональной, состязательность и соперничество развиты тут в самой высокой степени. Вертикальные «лифты» в Китае, как духовные, так и социальные, работали даже в условиях абсолютизма императорской власти: можно было за разнообразные провинности и скатиться по социальной лестнице и «лестнице» духовного совершенствования вниз, и вообще голову потерять, но и подняться, стать Учителем (что совсем не всегда совпадало с успехом в карьере), т.е. признанной индивидуальностью, ценным своей уникальностью. Порядок жестокий, как при всякой развитой агональности, противоположный принятым ныне в Европе правилам ориентации на слабейшего (например, в школе), но и выделяющий самых способных и трудолюбивых и в этом отношении высокоэффективный.

Образованность всегда в Поднебесной оценивалась очень высоко. М.Г. Делягин недаром видит в экзаменах на государственные должности в средневековом Китае образец китайского прагматизма [Делягин, Шеянов, 2015, с. 45]. Если в дорыночную эпоху в Европе должности раздавались по знатности рода и личной преданности, а позже, при провозглашении всяческой демократии, могли просто покупаться – и покупаются, то в Среднем царстве такие пути обретения власти, как правило, были исключены. При этом державшие экзамены должны были уметь писать стихи – не владеющий гармонией не мог быть допущен к высокой должности.

Выводы

Интересно наблюдение экономиста: в разговорах с китайскими деловыми людьми, рассказывает он, не стоит ссылаться на Конфуция и пр. авторитетные источники: «Конфуций и Лаоцзы хороши только для богатых иностранцев», говорят китайцы [Делягин, Шеянов, 2015, с. 46]. Таким образом, ссылки на книжную культуру их раздражают, для них принципы Конфуция и Лаоцзы растворены в ткани повседневной жизни и в этом смысле не выделены особо. Как свидетельствуют специалисты, китайцы, если это не связано с их профессией, действительно мало их читают и плохо знают, но им это и не нужно. Ситуация здесь подобна ситуации в современных лютеранских странах, где плохо знают лютеранство, а количество верующих

сокращается, но его нормы настолько вошли в плоть и кровь культуры, что им следуют сегодня даже безрелигиозные граждане; или ситуации в России, где нормы менталитета были заданы православием, а теперь им нередко следуют и атеисты. В Китае трансляция этих норм все еще достаточно жестко обеспечивается ритуализмом как важнейшим качеством культуры.

При этом прагматизм китайцев часто оборачивается и другой своей стороной – утилитарным отношением ко всему, и к людям, не имеющим отношения к их клану, в том числе. Когда полезность контактов иссякает, они оставляют партнеров без сантиментов, и к этому следует быть готовым [Деягин, Шеянов, 2015, с. 46]. Но и это качество, в сущности, вполне адекватно сегодняшнему времени: и у деловых европейцев круг потребных всякому человеку теплых связей все чаще оказывается минимальным, если вообще наличествует, и это при огромном количестве формальных контактов по всему миру.

Библиография

1. Бродель Ф. Динамика капитализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_31.htm (дата обращения 16.04.2024).
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. Пер. с нем. и предисл. О.В. Кильдюшова. – СПб: Владимир Даль, 2017.
3. Деягин М.Г., Шеянов В.В. Империя в прыжке. Китай изнутри. Как и для чего «алеет Восток». Главное событие XXI века. Возможности и риски для России. – М.: Книжный мир, 2015, 672 с.
4. Маслов А.А. Концепции опережающего развития Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/55302> (дата обращения 16.04.2024).
5. Lin J. Y., Cai F., Li Z. The China miracle: Development strategy and economic reform //Asia Pacific Development Journal. – 1997. – Т. 4. – №. 1. – С. 165-169.
6. Gilboy G. J. The myth behind China's miracle //Foreign affairs. – 2004. – С. 33-48.
7. Chen X. Understanding the China miracle from the paradigm of realm economics //China Political Economy. – 2021. – Т. 4. – №. 2. – С. 214-223.
8. Yao Y. The Chinese growth miracle //Handbook of economic growth. – Elsevier, 2014. – Т. 2. – С. 943-1031.
9. Cai H., Treisman D. Did government decentralization cause China's economic miracle? //World politics. – 2006. – Т. 58. – №. 4. – С. 505-535.
10. So A. Y. Rethinking the Chinese developmental miracle //China and the transformation of global capitalism. – 2009. – С. 50-64.

“Chinese miracle”. Pragmatism as the secret of success

Sergei A. Prosekov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Deputy Head of the Editorial board of scientific journals
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Abstract

The article discusses some important aspects of the “Chinese miracle”. In connection with the transformation of China into the leader of the world community, the theories of rapid development of Asia are characterized. The author considers pragmatism as an essential feature of the Chinese mentality, which determines both the policy of the PRC, both external and internal, and the type of relations between people. In conclusion, it is shown that references to book culture irritate the

Chinese; for them, the principles of Confucius and Laozi are dissolved in the fabric of everyday life and in this sense are not particularly emphasized. As experts testify, the Chinese, if it is not related to their profession, really read little of them and do not know them well, but they do not need it. The situation here is similar to the situation in modern Lutheran countries, where Lutheranism is poorly known and the number of believers is declining, but its norms have become so ingrained in the flesh and blood of the culture that even irreligious citizens follow them today; or the situation in Russia, where the norms of mentality were set by Orthodoxy, and now atheists often follow them. In China, the transmission of these norms is still quite strictly ensured by ritualism as the most important quality of culture. At the same time, the pragmatism of the Chinese often turns into another side - a utilitarian attitude towards everything, including people who are not related to their clan.

For citation

Prosekov S.A. (2024) "Kitaiskoe chudo". Pragmatizm kak sekret uspekha ["Chinese miracle". Pragmatism as the secret of success]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 18-25.

Keywords

China, pragmatism, mentality, Great divergence, Great convergence, national character, Max Weber, Fernand Braudel.

References

1. Brodel' F. Dinamika kapitalizma [Dynamics of capitalism]. Available at: http://krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_31.htm
2. Veber M. [2017] Hozhajstvennaja jetika mirovyh religij: Opyty sravnitel'noj sociologii religii. Konfucianstvo i daosizm [Economic ethics of world religions: Experiences in comparative sociology of religion. Confucianism and Taoism]. Translation from German and foreword by O.V. Kildyushova. – St. Petersburg: Vladimir Dal.
3. Deljagin M.G, Shejanov V.V. [2015] Imperija v pryzhke. Kitaj iznutri. Kak i dlja chego «aleet Vostok». Glavnoe sobytie XXI veka. Vozmozhnosti i riski dlja Rossii [Empire in leaps. China from the inside. How and why the East turns red. The main event of the 21st century. Opportunities and risks for Russia]. Moscow.
4. Maslov A.A. Konceptii operezhajushhego razvitija Vostoka [Concepts for rapid development of the East]. Available at: <https://postnauka.ru/video/55302>
5. Lin J. Y., Cai F., Li Z. The China miracle: Development strategy and economic reform //Asia Pacific Development Journal. – 1997. – T. 4. – №. 1. – C. 165-169.
6. Gilboy G. J. The myth behind China's miracle //Foreign affairs. – 2004. – C. 33-48.
7. Chen X. Understanding the China miracle from the paradigm of realm economics //China Political Economy. – 2021. – T. 4. – №. 2. – C. 214-223.
8. Yao Y. The Chinese growth miracle //Handbook of economic growth. – Elsevier, 2014. – T. 2. – C. 943-1031.
9. Cai H., Treisman D. Did government decentralization cause China's economic miracle? //World politics. – 2006. – T. 58. – №. 4. – C. 505-535.
10. So A. Y. Rethinking the Chinese developmental miracle //China and the transformation of global capitalism. – 2009. – C. 50-64.

УДК 130.2

Китай: формирование системы социального кредита (социального доверия)

Просеков Сергей Анатольевич

Кандидат философских наук, доцент,
заместитель заведующего Редакцией научных журналов,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Аннотация

В статье рассматривается понятие «социальное доверие» и предстоящая в Китае реформа – введение так называемого «социального рейтинга». Делается вывод о том, что подобные тенденции контроля существуют и на Западе, а негативная часть китайской реформы как форма остракизма в принципе не отличается от современной западной «культуры отмены». В статье показано, что «негативная часть» системы социального рейтинга по-китайски идеологически ничем не отличается от новейшей западной «культуры отмены» (cancel culture), которая заключается в безоговорочном осуждении и прекращении поддержки, а часто – и оголтелом преследовании и травле людей и компаний, заподозренных в «неправильных» взглядах – сексистских, расистских, гомофобных и др. Ценности разные, а способы их защиты, оказывается, могут быть очень сходными: остракизм, очень древний метод.

Для цитирования в научных исследованиях

Просеков С.А. Китай: формирование системы социального кредита (социального доверия) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 26-31.

Ключевые слова

Социальное доверие, Китай, социальный кредит, социальный рейтинг, культура отмены.

Введение

Сегодня в теории и на практике активно разрабатывается категория социального доверия. Это понятие оказывается категорией и экономической, и социологической, и психологической, и философской, а также концептом теории управления и организации. Дефиниций социального доверия существует много. В данном случае под социальным доверием автор понимает ожидание акторов социальных действий, соответствующее принятым нормам поведения других акторов.

Основная часть

При наличии множества концепций социального доверия ряд исследований восходит к идеям немецкого социолога Г. Зиммеля о метафизическом (квазирелигиозном) характере доверия и о том, что оно являет собой конституирующую силу общества [Кузнецов, 2019]. Большую популярность приобрела работа американского философа Ф. Фукуямы [Фукуяма, 2004]. При том, что в разных странах значимость социального доверия/недоверия, их критерии, составляющие, степень выраженности и формы сочетания различны, Фукуяма тем не менее утверждал (книга писалась в 1990-е гг.), что не рынки или еще что-то, что обычно приводят в качестве критериев, а именно социальное доверие – основа успешного общества. Самые передовые страны, по мнению Фукуямы, – это страны с наивысшей степенью доверия во всех сферах, а именно не основанные на кровном родстве либеральные демократии (США, Япония, Германия). Во вторую группу по интеграции и кооперации входят Китай, Индия и Франция, где социальное доверие основано на клановых связях или связях, сходных с ними. Наконец, самый низкий уровень социального доверия, считает американский философ, наблюдается в постсоциалистических государствах.

Понятно, что в настоящее время, спустя более тридцати лет после работ Фукуямы, уровень социального доверия в США, как и в Германии, упал очень сильно, что демонстрируют все социологические исследования. При этом картина соотношения внутренних факторов в социальном доверии может существенным образом отличаться по странам.

Социальное доверие классифицируют по-разному. Однако чаще всего выделяют межличностное доверие (между знакомыми людьми), доверие к обобщенному Другому (к людям вообще, к незнакомым), доверие к социальным и государственным институтам (правительству, президенту, армии, полиции, суду, здравоохранению, образованию, национальной валюте и т.д.), а также доверие к технике. Так, согласно утверждениям социолога В. Вахштайна [Вахштайн, www...], для России характерны высокий уровень доверия в межличностных отношениях и низкий уровень доверия к обобщенному Другому и государственным институциям (обратная корреляция), в Китае же имеет место прямая корреляция между высоким уровнем межличностного доверия, доверия к обобщенному Другому и к институциям.

Сегодня, как и при всяких процессах модернизации, традиционные ценности в Китае, в том числе и семейные отношения, попадают под удар, разлагаются, хотя и не так быстро, как в Европе. Поэтому вопрос укрепления отношений в семье и в клане для Китая – важнейший фактор его стабильности, вопрос выживания государства как такового.

Систему социального кредита (или социальный рейтинг) в 2020 году Китай предполагал ввести по всей стране, но пока осуществлены лишь пилотные проекты в разных городах. Проходили они по разным правилам. Так или иначе, официальная китайская позиция заключается в том, что реформа задумана как система поощрений и наказаний в зависимости от поведения граждан, правового и морального. Это «система контроля за честностью» с целью выявления недобросовестных граждан – которые, например, являются должниками и не платят долги или нарушили правила поведения в общественном транспорте, проехав «зайцем», или заняв чужое место, или покурив в поезде и т.п. – с тем, чтобы они понесли ответственность за свои действия; а также с целью выявления благонадежных граждан, которые ведут себя правильно, для их поощрения, морального и материального. Предполагается, что надзор будет осуществляться как государственными органами, так и средствами общественного мнения

[Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь, 2020, с. 398]. Указывается также на использование Всемирной паутины для технического контроля за поведением и настроениями граждан: «В настоящее время в Китае наблюдается быстрое развитие средств массовой информации, которое характеризуется, в частности, появлением Интернета как современного средства, обеспечивающего быструю, удобную, интерактивную платформу для контроля за честностью. Интернет в сочетании с традиционными средствами массовой информации может ускорить темпы формирования культуры честности в Китае и способствовать прогрессу в построении правового государства» [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь, 2020, с. 399].

Западные наблюдатели сделали вывод о том, что в Китае официально вводится антиутопия Оруэлла «1984» с ее Большим Братом. В китайских медиа информация отрывочна и неполна, хотя реформа задумывалась с 2000-х гг., а план и цели введения системы социального кредита, или социального доверия, были опубликованы правительством КНР в 2014 г. Поэтому в настоящей статье будет предпринята попытка дать обзор темы на основании наиболее объективных данных об этой реформе, известных на сегодня, и предложены комментарии с социально-философской точки зрения при учете официальной позиции китайского государства, особенностей китайского менталитета, а также опыта неазиатских стран и специфики западного видения Поднебесной.

В одном из первых опытов всем гражданами определенной территории Китая начислялись 1000 баллов. Если человек нарушал правовые или моральные нормы, например не отдавал долги или пил и бил жену, у него баллы снижались, тем, кто выполнял предписанные нормы, активно участвовал в общественной жизни и пр., баллы добавлялись. Гражданин, имеющий высокое количество баллов, вознаграждается: ему могут бесплатно предоставлять в аренду велосипед, давать займы под низкие проценты, наделить правом покупать билеты на дорогие (скоростные) поезда и самолеты и т.п. Должников и иных нарушителей порядка наказывают лишением комфорта и нередко положением полного изгоя: они теряют право покупать предметы роскоши, селиться в дорогих гостиницах, пользоваться скоростными поездами и самолетами, не могут получать квартиры и пособия от государства, занимать государственные должности, отдавать детей в хорошие частные школы и пр. Они попадают в особый «черный список». Правда, свой рейтинг можно и повысить – например, став донором крови или пожертвовав какую-то сумму денег на мероприятия, поощряемые государством.

Сами китайцы с введением пилотных проектов протестовали в основном против двух вещей: избыточной публичности предания позору и распространения кар на детей провинившихся.

Публичность наказаний представляла собой чрезмерное, даже с точки зрения китайцев, для которых границы между частной жизнью и публичной, как видится европейцам, размыты с древних времен, вмешательство в частную жизнь: вывешивание фото нарушителей в кинотеатрах, сообщение в телефонных сетях о том, что ваш абонент – недобросовестный должник, публикация части их адресов и т.д.

С социологической точки зрения, следует учитывать, что при мощных процессах урбанизации большая часть населения страны – селяне или совсем недавние крестьяне, нормы поведения которых поддерживаются прежде всего и главным образом семьей и кланом; соответственно, и «потеря лица» перед членами семьи, клана, соседями всегда являлась настоящей бедой, и китаец всеми силами избегает таких ситуаций, а значит, и страх перед «опубликованием» его проступков как раз и является самым сильным мотиватором к воздержанию от нарушения норм общежития. Собственно, такая же публикация добрых дел

гражданина – гораздо более сильное моральное поощрение, чем таковые поощрения, например, в России. Поэтому можно критиковать такую политику за что угодно, но не за эффективность.

Что касается распространения карательных мер на детей провинившихся, то известен случай, когда молодой эстрадный исполнитель, достигнув широкой популярности, потерял карьеру после того, как стало известно о его родителях – недобросовестных должниках.

Сходная система вводится и для юридических лиц. Речь идет о репутации тех или иных предприятий и компаний.

Пилотные проекты, как уже упоминалось, отличались по целому ряду критериев. Сводку проблем, которых предстоит решить правительству перед всекитайским введением системы социальных рейтингов (социального доверия), предлагает китаист Л. Ковачич [Ковачич, www...]. Предстоит выработать единые формы оценки – будут ли это баллы, проценты, бонусы или какие-то иные. Следует определить, какие поступки считать однозначно хорошими и однозначно плохими и каков их «удельный вес» в отношении иных поощряемых и осуждаемых дел – и вообще какие именно поступки подлежат такой оценке. Тут необходимо унифицировать параметры.

Также, как полагают власти, нужно ввести стандарты допустимой степени открытости приватной жизни граждан, а также обеспечить сохранность этой информации, не допускать ее утечек. Все вводимые меры должны получить правовую основу в конституции и уголовном, а также административном кодексах. Необходимо предусмотреть меры по восстановлению репутации граждан и организаций в случае ее утраты

Надо сказать, что на Западе существуют и развиваются мощные системы контроля за гражданами. Всем известно, что банки составляют кредитную историю заемщиков. В последнее десятилетие получила широкое распространение практика отслеживания работодателем сообщений работников в социальных сетях и вообще их внеслужебной деятельности, а также ознакомление с таковой при найме на работу, и это уже не говоря о других методах, ведь недаром же Оруэлл писал именно об Англии, а вовсе не об азиатской стране.

Заключение

Если присмотреться внимательнее, то «негативная часть» системы социального рейтинга по-китайски идеологически ничем не отличается от новейшей западной «культуры отмены» (cancel culture), которая заключается в безоговорочном осуждении и прекращении поддержки, а часто – и оголтелом преследовании и травле людей и компаний, заподозренных в «неправильных» взглядах – сексистских, расистских, гомофобных и др. Ценности разные, а способы их защиты, оказывается, могут быть очень сходными: остракизм, очень древний метод. С той лишь разницей, что в китайской реформе предусматривается и позитивная, поощрительная часть, а «культура отмены» таковой не включает и пока не дошла до запретов продажи билетов на поезда неудобным лицам – это обычно «устная» репутация, не опирающиеся ни на положения права, ни на судебные или хотя бы схожие с ними решения.

Библиография

1. Вахштайн В. Социология доверия [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://www.youtube.com/watch?v=ozEC411X7Gw> (дата обращения 16.04.2024).
2. Ковачич Л. Социальный рейтинг: за что жители Китая получают «бонусы», а за что подвергаются наказаниям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://postnauka.org/faq/156636> (дата обращения 16.04.2024).

3. Кузнецов И.С. Метафизическая (квазирелигиозная) природа доверия в работах Георга Зиммеля // Журнал социологии и социальной антропологии. – №2. – 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://jourssa.ru/?q=ru/Kuznetsov_2019_2_Article (дата обращения 16.04.2024).
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
5. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. Пер. с кит. под рук. В.Г. Бурова. – М.: Весь мир, 2020.
6. F. Langer P. Lessons from China-The formation of a social credit system: Profiling, reputation scoring, social engineering //The 21st Annual International Conference on Digital Government Research. – 2020. – С. 164-174.
7. Liu C. Multiple social credit systems in China //Economic Sociology: The European Electronic Newsletter. – 2019. – Т. 21. – №. 1. – С. 22-32.
8. Cheung A. S. Y., Chen Y. From datafication to data state: Making sense of China's social credit system and its implications //Law & Social Inquiry. – 2022. – Т. 47. – №. 4. – С. 1137-1171.
9. Backer L. C. China's Social Credit System //Current History. – 2019. – Т. 118. – №. 809. – С. 209-214.
10. Wang J. et al. Envisioning a credit society: social credit systems and the institutionalization of moral standards in China //Media, Culture & Society. – 2023. – Т. 45. – №. 3. – С. 451-470.

China: formation of a social credit (social trust) system

Sergei A. Prosekov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Deputy Head of the Editorial board of scientific journals
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Abstract

The author discusses the concept of "social trust" and the upcoming reform in China – the introduction of the so-called "social rating". It is concluded that the negative part of the Chinese reform as a form of ostracism does not differ in principle from the modern Western "cancel culture". The article shows that the “negative part” of the Chinese social rating system is ideologically no different from the latest Western “cancel culture”, which consists of unconditional condemnation and withdrawal of support, and often rabid persecution and bullying of people and companies suspected of having “wrong” views - sexist, racist, homophobic, etc. The values are different, but the methods of defending them, it turns out, can be very similar: ostracism, a very ancient method.

For citation

Prosekov S.A. (2024) Kitai: formirovanie sistemy sotsial'nogo kredita (sotsial'nogo doveriya) [China: formation of a social credit (social trust) system]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 26-31.

Keywords

Social trust, China, social credit, social rating, cancel culture.

References

1. Vahstajin V. Sociologija doverija [Sociology of trust]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ozEC411X7Gw>

2. Kovachich L. Social'nyj rejting: za chto zhiteli Kitaja poluchajut «bonusy», a za chto podvergajutsja nakazanijam [Social rating: why Chinese residents receive “bonuses” and why they are punished]. Available at: <https://postnauka.org/faq/156636>
3. Kuznecov I.S. (2019) Metafizicheskaia (kvazireligioznaia) priroda doverija v rabotah Georga Zimmelja [Metaphysical (quasi-religious) nature of trust in the works of Georg Simmel]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2. Available at: http://jourssa.ru/?q=ru/Kuznetsov_2019_2_Article
4. Fukujama F. (2004) Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow.
5. Han' Chzhjen', Chzhan Vjevjen' (2020) Sistema kitajskih cennostej [Chinese value system]. Translation from Chinese under the direction of V.G. Burova. – Moscow: Whole world.
6. F. Langer P. Lessons from China-The formation of a social credit system: Profiling, reputation scoring, social engineering //The 21st Annual International Conference on Digital Government Research. – 2020. – C. 164-174.
7. Liu C. Multiple social credit systems in China //Economic Sociology: The European Electronic Newsletter. – 2019. – T. 21. – №. 1. – C. 22-32.
8. Cheung A. S. Y., Chen Y. From datafication to data state: Making sense of China’s social credit system and its implications //Law & Social Inquiry. – 2022. – T. 47. – №. 4. – C. 1137-1171.
9. Backer L. C. China’s Social Credit System //Current History. – 2019. – T. 118. – №. 809. – C. 209-214.
10. Wang J. et al. Envisioning a credit society: social credit systems and the institutionalization of moral standards in China //Media, Culture & Society. – 2023. – T. 45. – №. 3. – C. 451-470.

УДК 101.1:316**Диалектика и синергетика устойчивого и неустойчивого развития социотехноприродного мира****Кузьменко Александр Анатольевич**

Кандидат биологических наук,
доцент кафедры Компьютерные технологии и системы,
заместитель главного редактора журнала Эргодизайн,
Брянский государственный технический университет,
241035, Российская Федерация, Брянск, бул. 50-летия Октября, 7;
e-mail: alex-rf-32@yandex.ru

Аннотация

Статья исследует социально-философские аспекты синергетики и диалектики устойчивого и неустойчивого развития социотехноприродного мира (впервые данное понятие было введено Е.А. Дергачевой). В работе анализируются рассуждения ученых в пользу неустойчивости развития, подчеркивается парадоксальная природа устойчивости в условиях усиливающейся неустойчивости социотехноприродного мира. Также в статье обсуждается, что, согласно принятому определению устойчивого развития, сохранение природы для будущих поколений является одной из важнейших задач современности, требующей усилий со стороны нынешнего поколения. Описываются принципы взаимоотношения общества с биосферой, указывая на трансформирующую роль человеческой деятельности в биосферных процессах. Результаты исследования подчеркивают важность социотехноприродного подхода в разработке концепции гармоничного социально-техногенного развития, учитывающего взаимодействие между человеком и природой для обеспечения устойчивости и баланса мира в долгосрочной перспективе.

Для цитирования в научных исследованиях

Кузьменко А.А. Диалектика и синергетика устойчивого и неустойчивого развития социотехноприродного мира // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 32-40.

Ключевые слова

Синергетика, социально-техногенный мир, диалектика, развитие.

Введение

Концепция устойчивого развития тесно переплетается с принципами синергетики, раскрывая сложную динамику социотехноприродного развития мира (понятие впервые введено Е.А. Дергачевой) [Драчева, 2016]. По своей сути данный тип развития воплощает парадоксальное представление о стабильности в условиях нестабильности, где сама суть его существования зависит от постоянных изменений и адаптации. Поэтому при преодолении

последствий биосферной трансформации становится необходимым признать присущую глобальной социотехноприродной системе неустойчивость. Вместо того, чтобы прогнозировать гипотетическое будущее с позиции подходов устойчивого развития, решения должны основываться на понимании колебаний системы и признании непредсказуемости, проистекающей из-за отсутствия строгой причинно-следственной связи.

Принятие концепции коэволюции раскрывает симбиотические отношения между человеческой цивилизацией и биосферой, демонстрируя поэтапный переход общества из элемента биосферы в его подсистему, которая на текущем этапе является основной трансформирующей силой всех биосферных процессов.

Более того, восприятие Вселенной как отзывчивой системы позволяет глубже проникнуть в суть духовного развития. Согласовывая наши принципы с естественным порядком вещей, мы можем найти резонанс и гармонию в действиях по отношению к окружающей природной среде. Этот целостный подход способствует более глубокой связи человечества с естественной природой, направляя нас по пути гармоничного сосуществования.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что, по сути, устойчивое развитие воплощает в себе глубокий философский смысл, признавая взаимосвязи с миром природы и принятия принципов синергии, диалектики и коэволюции. Это путь к согласованию действий с ритмами Вселенной, обеспечивающий сохранение баланса общества, техносферы и биосферы для будущих поколений.

Техногенное общество как фактор социотехноприродного развития

Социотехноприродное развитие (понятие введено Е.А. Дергачевой) представляет собой новую фазу развития жизни на планете. В этой новой реальности происходит взаимодействие между социумом, техносферой и природой на уровне, невиданном ранее. Эволюция не ограничивается только биологическими изменениями и адаптациями в естественном мире. Теперь она простирается и на общественные системы, которые создают и используют технологии для управления окружающей средой [Дергачева, 2008]. Как отмечает Е.А. Дергачева, новое глобальное техногенное общество отличается от предыдущих форм социальной организации тем, что она базируется на технических инновациях, взаимодействующих с биосферой [Дергачева, 2007].

Е.А. Дергачева, исследуя социотехноприродное развитие, отмечает, «это явление простирается далеко за пределы отдельных случайных техногенных образований (например, городов). Оно распространяется на всю планету, оказывая влияние на биосферу и живые организмы в различных регионах. Процессы интеграции «социо», «техно» и «био» охватили в XX веке практически все уголки мира, приводя к трансформации биосферы и всех живых организмов» [Дергачева, 2015].

Как отмечают Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачева, эволюция жизни на планете Земля является сложным и многоступенчатым процессом. Если ранее биосфера развивалась на основе взаимодействия биосферного биологического вещества (понятие введено Э.С. Демиденко) [Демиденко, 2011] с окружающей средой, то появление социума и влияние человеческой деятельности стали ключевыми факторами, меняющими этот процесс. Исторически, начиная с эпохи собирательства и переходя к земледелию, человеческое влияние на окружающую среду стало все более ощутимым и значительным. Так, в собирательном обществе человек влиял на видовой состав животного мира, изменяя его частично. С развитием земледелия произошли

более значительные трансформации: окультуривание и одомашнивание животных, трансформация и деградация экосистем в результате разработки пахотных угодий и выращивания сельскохозяйственных культур. Важно отметить, что эти изменения не только свидетельствуют о влиянии человека на биосферу, но и о появлении нового этапа в эволюции – социотехноприродной эволюции [Дергачева, 2016].

Э.С. Демиденко отмечает «в наше время наблюдается становление нового этапа в эволюции земной жизни, который неразрывно связан с воздействием искусственного мира – мира технологий, машинной техники, искусственных производственных процессов и химических веществ» [Демиденко, 2011]. В.И. Вернадский в свое время описал этот этап как ноосферу, представляющую собой сферу разума. Однако в контексте современного расширения техносферы, заменяющей биосферу. Э.С. Демиденко называет этот этап техно-ноосферным [Демиденко, 2005]. Учёный отмечает, что это период, когда технологии и научные достижения становятся ключевыми особенностями в формировании и изменении окружающей среды и социальной жизни, оказывая трансформационное влияние на биосферу.

Важно отметить, что вместе с изменениями в мире «техно» происходят и изменения в мире «био». Э.С. Демиденко в своих трудах пишет, что биосферное биологическое вещество все чаще и больше заменяется постбиосферным, созданным не природой, а человеческим разумом и трудом (миром «социо») [Демиденко, 2011]. Однако вопрос о возможности полного замещения биосферного вещества для биосферных организмов остается открытым. Мы не можем быть уверены, сможет ли постбиосферное вещество стать пригодным для использования живыми организмами наравне с биосферным веществом или оно будет использоваться только в определенных условиях с помощью сложных технических устройств.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что развитие социотехноприродных процессов представляет собой не только изменение биосферы под воздействием человека, но и формирование нового типа взаимодействия между техносферой, обществом и природой, формируя новую глобальную социотехноприродную среду жизнедеятельности человека.

Устойчивое и неустойчивое развитие в контексте социотехноприродного мира (краткий обзор)

Понятие "устойчивое развитие", представленное Международной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 году в докладе «Наше общее будущее» послужило поводом множества обсуждений о пути развития общества и сохранении окружающей природной среды. В представленном докладе под устойчивым развитием подразумевался фундаментальный принцип, который предполагает не только удовлетворение потребностей текущего поколения, но и обеспечение возможности будущим поколениям удовлетворять свои потребности. Понятие устойчивого развития, принятое на конференции ООН в Рио-де-Жанейро в 1992 году, стало неотъемлемой частью глобальных обсуждений.

После саммита в Рио-де-Жанейро становится все более очевидным, что традиционная интерпретация устойчивого развития не отвечает глубоким экзистенциальным вызовам, стоящим перед человечеством на фоне глобальных биосферных изменений. Очевидно, что требуется более тонкий и всеобъемлющий подход, который проникает в самую суть человеческого существования и цивилизации. Этот императив смены парадигмы в нашем понимании устойчивого развития должен выступать опираться на разработку новой стратегии, основанной на понимании социотехноприродного взаимодействия.

Неполная проработанность понятий в концепции устойчивого развития вызывает вопросы у многих авторов, которые склонны считать необходимым воспринимать данный процесс как неустойчивый. Так, в работах Т.А. Акимова придает особую актуальность проблеме сохранения гармонии между человеческим обществом и окружающей средой в контексте неустойчивого развития современной жизни на Земле [Акимова, Мосейкин, 2009]. В работах С.Н. Бобылева обращается внимание на необходимость создания единого показателя, способного оценить степень устойчивости общества и его взаимодействия с природой [Барлыбаев, 2015]. Э.В. Гирусов отвергает концепцию устойчивого развития как «миф» утверждая, что она опирается на другие мифы и не учитывает реальности взаимодействия общества и природы [Гирусов, 2009]. Вместо того чтобы придерживаться устаревших моделей развития, ученый предлагает переходить на социоприродные законы, которые учитывают более сложные взаимосвязи между обществом и природой. Критика, высказанная В.И. Даниловым-Данильяном, поднимает важные вопросы относительно правильного определения и понимания устойчивого развития [Данилов-Данильян, 2013].

Исходя из вышесказанного становится понятным, чтобы по-настоящему определить суть устойчивого развития, мы должны выйти за узкие рамки понимания процессов развития. Простое рассмотрение устойчивого развития как экологического или политического императива по своей сути является ограничивающим, поскольку оно не учитывает онтологические особенности взаимоотношений общества с биосферой.

Синергетика и возникновение устойчивости из неустойчивости

Синергетика представляет собой междисциплинарную область научных исследований, направленную на понимание природных явлений через призму самоорганизующихся систем [Пригожин, 1986]. Центральное место в синергетике занимает изучение самоорганизации в сложных системах, которая основывается на нескольких ключевых принципах. Во-первых, система должна оставаться открытой. В закрытых системах энтропия со временем возрастает до максимума, останавливая любые эволюционные процессы. И наоборот, открытость обеспечивает устойчивый приток энергии, не позволяя системе достичь термодинамического равновесия. Во-вторых, самоорганизация системы процветает, когда системы находятся на некотором расстоянии от равновесия. Вблизи состояния равновесия системам не хватает притока энергии, необходимого для самоорганизации, и в конечном итоге они стагнируют и возвращаются к равновесию. В-третьих, фундаментальный принцип самоорганизации заключается в появлении новых порядков и сложностей в результате флуктуаций или случайных отклонений элементов системы. В то время как механизмы отрицательной обратной связи обычно подавляют такие флуктуации в стабильных системах сложные открытые системы, подпитываемые энергией, со временем усиливают флуктуации.

По сути, синергетика предлагает глубокое понимание динамики самоорганизации в сложных системах, проливая свет на возникновение и эволюцию структур в различных областях. Она подчеркивает хрупкий баланс между порядком и хаосом, выделяя условия, необходимые для спонтанного возникновения новых систем в мире природы и общества.

В отличие от закрытых систем, где энтропия остается постоянной или увеличивается, эволюция открытых систем ведет к неумолимому росту энтропии и сложности. Это неумолимое движение символизируется присутствием в природе однонаправленного потока, который отмечает необратимое развитие событий. Рассмотрим, например, превращение гусеницы в

бабочку. По мере того, как гусеница плетет свой кокон и претерпевает глубокие физиологические изменения, старые структуры распадаются, освобождая место для появления новой формы. Аналогичным образом эволюция человеческих обществ и культур характеризуется разрушением старых норм, что приводит к появлению новых парадигм и институтов. С каждым социальным сдвигом происходит скачок вперед, побуждающий принять неопределенность и динамизм перемен. По сути, феномен самоорганизации служит ключом к пониманию сложного взаимодействия между порядком и хаосом, стабильностью и переменчивостью.

В рамках синергетики мы сталкиваемся с представлением о том, что процессы самоорганизации во Вселенной управляются силой самоопределения, сущностью, которая превосходит простую материальность. Идеи М. Планка, первопроходца квантовой физики, еще больше освещают сложную систему бытия. В своих размышлениях М. Планк признавал присущую природе рациональность, заложенную в самой ее структуре. М. Планк ясно показал, что «элементарные кирпичики мироздания не громоздятся хаотично, отдельными, не связанными друг с другом группами, а сложены все по единому плану» [Планк, 1990].

Е.Н. Князева в работе «Мыслить синергетически, значит мыслить диалектически» исследует глубокое взаимодействие синергетики и философии. Она проникательно замечает, что синергетика с ее склонностью к универсализации плотно граничит с философией, углубляясь в саму суть бытия. Синергетика, как поясняет Е.Н. Князева, - это не просто научная дисциплина, ограниченная областью природных явлений, она охватывает целостное понимание сложного поведения как в природе, так и в обществе. В основе синергетики лежит диалектика природных, человеческих и социальных процессов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что мыслить синергетически действительно значит использовать диалектический способ мышления, динамичный процесс исследования, который выходит за рамки простого редукционизма и охватывает присущую реальности сложность. В этом смысле синергетика служит линзой, через которую мы можем увидеть единство, лежащее в основе всего сущего. Она побуждает нас подвергать сомнению наши предположения, бросать вызов нашим предвзятым представлениям.

Таким образом, синергетика, утверждающая, что «устойчивость возникает из неустойчивости», показывает особенности изменений и развития в мире. Она выделяет важную связь между нестабильностью и стабильностью, вводя нас в область нелинейных процессов, где случайность и хаос играют ключевую роль. Важно осознать, что нестабильность не является препятствием для развития, а, наоборот, стимулирует появление новых форм и идей. Понятие «устойчивого неравновесия», предложенное Э.С. Бауэром, раскрывает новый взгляд на природу систем, позволяя рассматривать их как неустойчивые, но при этом обладающие устойчивостью [Бауэр, 2002].

Диалектика устойчивого развития

В разгар глобального экологического кризиса человечество сталкивается с последствиями того, что М. Хайдеггер метко назвал «забвение Бытия» [Heidegger, 1976]. Ученый подчеркивает ужасную цену, которую мы платим за нашу отстраненность от сути Бытия, поскольку являемся свидетелями деградации планеты и разрушения самих основ существования. М. Хайдеггер обращает внимание на то, чтобы постичь Целое, необходимо выявить общие онтологические принципы, лежащие в основе как природного, так и человеческого мира, что требует от нас

преодоления искусственных границ, которые человечество установило себе.

В сфере современной философии возник новый интерес к диалектике, вызвавший дискуссии о потенциале развития диалектического реализма как философии устойчивого развития [Мантатов В.В., Мантатова Л.В., 2017]. По словам В.В. Мантатова, «Устойчивое развитие имеет место там, где противоположности не достигают антагонизма, где имеет место коэволюция и взаимодействие противоположностей» [Коршунов, Мантатов, 2010]. Действительно, развитие всегда представляет собой борьбу противоположностей: изменчивость сочетается со стабильностью, хаос - с порядком, инволюция - с эволюцией. Как отмечал Н. Н. Моисеев «Все наблюдаемое нами, все, в чем мы сегодня участвуем, — это лишь фрагменты единого мирового синергетического процесса... Все развитие нашего мира выглядит сложной борьбой различных противоположных начал и противоречивых тенденций на фоне непрерывного действия случайных причин, разрушающих одни устойчивые (точнее — стабильные) структуры и создающие предпосылки для появления новых» [Моисеев, 1987].

В постоянно меняющемся мире научных исследований концепция устойчивого развития претерпела глубокую трансформацию. В настоящее время устойчивое развитие все чаще понимается как динамичный процесс, непрерывное движение к равновесию и устойчивости в условиях постоянных изменений. Этот сдвиг парадигмы воплощен в идеях С.П. Курдюмова, который рассматривал устойчивость не как фиксированное состояние, а как «устойчиво эволюционирующее целое» [Куркина Е.С., Князева Е.Н., 2013]. По мнению ученого, устойчивое развитие характеризуется непрерывным процессом адаптации и обновления, который позволяет сложным системам выживать. В основе этой динамичной концепции устойчивого развития лежит понимание того, что изменчивость - это не просто нарушение стабильности, а постоянный поток и изменения.

Таким образом современная философия устойчивого развития мира открывает перед нами глубокий диалектический процесс, в котором балансируют противоположности и взаимодействуют противоречия. Этот процесс подобен танцу, в котором взаимодействуют силы сохранения и изменения, ускорения и замедления порядка и хаоса. Поэтому проблема устойчивости социотехноприродного мира заключается в умении сохранять хрупкий баланс (гармонию) между обществом, техносферой и биосферой. Другими словами, искусство жить в гармонии становится неотъемлемой частью стремления к устойчивому социотехноприродному развитию. Это искусство подталкивает нас к гармонии не только с самим собой, но и с окружающей техносферой и биосферой.

Заключение

Человеческое общество служит прекрасным примером сложной иерархической системы, состоящей из множества взаимосвязанных элементов и подсистем. На микроуровне оно включает в себя людей, каждый из которых является сам по себе сложной системой с собственными потребностями, целями и мотивациями. Люди объединяются в группы, общности, общественные институты и организации, создавая более крупные и сложные структуры. На макроуровне общество функционирует как целостная система, взаимодействующая с другими обществами и с окружающей средой (биосферой и техносферой).

В областях бифуркации, где система находится на грани изменений своего состояния, каждое отдельное действие или локальное вмешательство может вызывать неожиданные

глобальные изменения. Синергетика как наука признает, что она не в состоянии полностью прогнозировать эти изменения. Осознание этого подхода помогает принимать более осмысленные и надежные решения в контексте социотехноприродного проектирования.

Из всего вышесказанного следует вывод о необходимости осознания существования пределов, за которыми проблема сложности становится неразрешимой, как называет данную проблему В.В. Мантатов «трагическая диалектика развертывания сложности» [Мантатов, Мантатова, 2017]. Одним из возможных решений обеспечения устойчивости социотехноприродного мира является своевременное проектирование природоориентированной среды жизнедеятельности общества. Этот процесс подразумевает не только реакцию на текущие вызовы, но и стратегическое планирование, учитывающее потенциальные последствия для окружающей природной среды и социального равновесия.

Во избежание усиления трансформации и последующей деградации естественной природной среды под социально-техногенным воздействием необходимо достичь компромисса между инновационным развитием общества и трансформационными изменениями биосферы.

Необходимость разумного контроля за социально-техногенным развитием в наши дни обусловлена не только заботой о текущем состоянии окружающей природной среды, но и ответственностью перед будущими поколениями. Исходя из принятого определения устойчивого развития, сохранение природы для будущих поколений становится важнейшим долгом, который мы должны выполнять. Мы должны осознать, что общество — часть бесконечного потока времени, и ответственность за будущее простирается далеко за границы текущей жизни. Только такое осознание и целенаправленные действия для сохранения биосферы способны поставить человечество на путь устойчивого сосуществования с биосферой.

В заключение необходимо подчеркнуть, что человеческое общество является интегральной частью глобальной социотехноприродной системы. Понимание динамики таких сложных систем требует осознания их изменчивости. Однако способность предсказать и контролировать эти изменения ограничена. Обеспечение устойчивости социотехноприродного мира требует не только реакции на текущие вызовы, но и стратегического планирования, которое способно учитывать как особенности взаимодействия общества с техносферой, так и интересы биосферы. Такой подход способен сохранить условия достойной жизни для будущих поколений.

Библиография

1. Акимова Т.А., Мосейкин Ю.Н. Экономика устойчивого развития: Учеб. пособие. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2009. 430 с
2. Барлыбаев, Х.А. Устойчивое развитие: миф или призыв к благоразумию // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2015. № 4. С. 14–24
3. Гирусов, Э.В. Экологическая культура как высшая форма гуманизма // Философия и общество. 2009. № 4. С. 74–92.
4. Данилов-Данильян, В.И. Устойчивое развитие. Экологическая энциклопедия: Т. 6. – М.: ООО «Издательство «энциклопедия», 2013. 656 с.
5. Демиденко, Э. С. Урбанизация села и техно-ноосферные перспективы земледелия / Э. С. Демиденко ; Э. С. Демиденко. – Брянск : Изд-во БГУ, 2005. – 211 с. – ISBN 5-88543-088-8. – EDN QOEИТ.
6. Демиденко, Э. С. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины / Э. С. Демиденко, Е. А. Дергачева, Н. В. Попкова. – Москва : Всемирная информ-энциклопедия ; Брянск : БГТУ, 2011. – С. 343 – ISBN 978-5-89838-559-0
7. Дергачева, Е. А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ / Е. А. Дергачева. – Москва : Ленанд/URSS, 2016. – 256 с. – ISBN 978-5-9710-2412-5.
8. Дергачева, Е. А. От техногенной рациональности к рациональности социоприродного развития / Е. А. Дергачева

- // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2008. – № 1. – С. 12-16. – EDN IJFSTP.
9. Дергачева, Е. А. Социально-философский подход к пониманию трансформации современного человека / Е. А. Дергачева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-3. – С. 188. – EDN VBREPВ.
 10. Дергачева, Е. А. Транснациональные корпорации в системе техногенного общественного развития и его рационализации / Е. А. Дергачева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 9(53). – С. 171-178. – EDN ПWSZX.
 11. Коршунов, А. М., Мантатов, В. В. (2010). Онтология устойчивого развития: диалектика и синергетика**. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, (6), 54-65.
 12. Куркина Е. С., Князева Е. Н. С. П. Курдюмов и его эволюционная модель динамики сложных систем. Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. 2013. 21 (4), С. 110.
 13. Мантатов В.В., Мантатова Л.В. Философия устойчивого развития: диалектика и реализм. Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2017, (5). С. 11
 14. Мойсеев Н. Н. Алгоритм развития. М., 1987. С. 63.
 15. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) — М.:Прогресс, 1989
 16. Планк М. Религия и естествознание // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 32
 17. Пригожин И.Р. Порядок из хаоса. - М.: Прогресс, 1986.
 18. Теоретическая биология / Э.С. Бауэр. - Санкт-Петербург : Росток, 2002. – С.16
 19. Heidegger M. Brief uber den Humanismus. Gesamtausgabe. Bd. 9, Frankfurt a. M.: V. Klostermann, 1976. S. 349

Technogenic society as a factor in the evolution of the sociotechnological world: dialectics and synergetics of sustainable and unsustainable development

Aleksandr A. Kuz'menko

PhD in Biology,
Associate Professor of the Department of Computer Technologies and Systems,
Deputy Editor-in-Chief of Ergodesign magazine,
Bryansk State Technical University,
241035, 7, 50th anniversary of October blvd. Bryansk, Russian Federation;
e-mail: alex-rf-32@yandex.ru

Abstract

The article explores the socio-philosophical aspects of synergetics and dialectics of sustainable and unstable development of the sociotechnological world (for the first time this concept was introduced by E.A. Dergacheva). The paper analyzes the arguments of scientists in favor of the instability of development, emphasizes the paradoxical nature of stability in the conditions of increasing instability of the sociotechnological world. The article also discusses that, according to the accepted definition of sustainable development, nature conservation for future generations is one of the most important tasks of our time, requiring efforts from the current generation. The principles of the relationship between society and the biosphere are described, pointing to the transformative role of human activity in biospheric processes. The results of the study emphasize the importance of a sociotechnological approach in developing the concept of harmonious socio-technological development, considering the interaction between man and nature, to ensure the sustainability and balance of the world in the long term.

For citation

Kuz'menko A.A. (2024) Dialektika i sinergetika ustoichivogo i neustoichivogo razvitiya sotsiotekhnoprirodnogo mira [Technogenic society as a factor in the evolution of the sociotechnological world: dialectics and synergetics of sustainable and unsustainable development]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 32-40.

Keywords

Synergetics, socio-technogenic world, dialectics, development.

References

1. Akimova T.A., Moseikin Yu.N. Economics of sustainable development: Textbook. M.: CJSC Publishing House "Economics", 2009. 430 p
2. Barlybaev, H.A. Sustainable development: a myth or a call to prudence // Vestnik MGUL – Lesnoy vestnik. 2015. No. 4. pp. 14-24
3. Girusov, E.V. Ecological culture as the highest form of humanism // Philosophy and society. 2009. No. 4. pp. 74-92.
4. Danilov-Danilyan, V.I. Sustainable development. Ecological encyclopedia: Vol. 6. – M.: LLC "Encyclopedia Publishing House", 2013. 656 p.
5. Demidenko, E. S. Rural urbanization and techno-noospheric prospects of agriculture / E. S. Demidenko; E. S. Demidenko. – Bryansk : Publishing House of BSU, 2005. – 211 p. – ISBN 5-88543-088-8. – EDN QOEIIT.
6. Demidenko, E. S. Philosophy of socio-technogenic development of the world: articles, concepts, terms / E. S. Demidenko, E. A. Dergacheva, N. V. Popkova. – Moscow : World Information Encyclopedia ; Bryansk : BSTU, 2011. – p. 343 – ISBN 978-5-89838-559-0
7. Dergacheva, E. A. The concept of sociotechnological globalization: an interdisciplinary analysis / E. A. Dergacheva. – Moscow :Lenand/URSS, 2016. – 256 p. – ISBN 978-5-9710-2412-5.
8. Dergacheva, E. A. From technogenic rationality to rationality of socio-natural development / E. A. Dergacheva // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy. - 2008. – No. 1. – pp. 12-16. – EDN IJFSTP.
9. Dergacheva, E. A. Socio-philosophical approach to understanding the transformation of modern man / E. A. Dergacheva // Modern problems of science and education. - 2015. – No. 2-3. – p. 188. – EDN VBREPB.
10. Dergacheva, E. A. Transnational corporations in the system of technogenic social development and its rationalization / E. A. Dergacheva // Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. – 2007. – № 9(53). – Pp. 171-178. – EDN IIWSZX.
11. Korshunov, A.M., Mantatov, V. V. (2010). The ontology of sustainable development: dialectics and synergetics**. Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy, (6), 54-65.
12. Kurkina E. S., Knyazeva E. N. S. P. Kurdyumov and his evolutionary model of dynamics of complex systems. News of higher educational institutions. Applied nonlinear dynamics. 2013. 21 (4), p. 110.
13. Mantatov V.V., Mantatova L.V. Philosophy of sustainable development: dialectics and realism. Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2017, (5). p. 11
14. Moiseev N. N. Algorithm of development. M., 1987. p. 63.
15. Our common future: Report of the International Commission on Environment and Development (ICEDD) — M.:Progress, 1989
16. Plank M. Religion and natural science // Questions of philosophy. 1990. No. 8. P. 32
17. Prigozhin I.R. Order from chaos. - M.: Progress, 1986.
18. Theoretical Biology / E.S. Bauer. - St. Petersburg : Rostock, 2002. – p.16
19. Heidegger M. Brief uber den Humanismus. Gesamtausgabe. Bd. 9, Frankfurt a. M.: V. Klostermann, 1976. S. 349

УДК 001

Уникальные черты русской цивилизации на основании синтеза взглядов теоретиков (социально-философский анализ)

Блинов Владимир Владимирович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: vvblinov@fa.ru

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве РФ.

Аннотация

Цивилизационный подход предлагает восприятие общемировой истории не как линейной направленности, где все народы проходят через общие стадии развития, а делает упор на неповторимых чертах отдельных цивилизаций, подчас, отрицая общемировой ход истории и прогресс как таковой. Различные исследователи выделяют группы цивилизаций, построенные на основании языковой, исторической, религиозной, культурной близости различных народов. В этом отношении особый интерес представляет ответ на вопрос, уместно ли говорить о русской цивилизации, имеющей значимые отличия от иных славянских и православных народов. В настоящей работе рассматриваются взгляды отдельных представителей цивилизационного подхода, указывающих на уникальные черты русской цивилизации. Автор формирует собственный взгляд на ключевые политические аспекты российской истории, синтезируя ряд концептуальных оснований, исследующих истоки и формирование государственности как таковой, в целом и русской (российской), в частности.

Для цитирования в научных исследованиях

Блинов В.В. Уникальные черты русской цивилизации на основании синтеза взглядов теоретиков (социально-философский анализ) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 41-51.

Ключевые слова

Государственность, национальная самобытность, цивилизационный подход, русская государственность, русская цивилизация, концепции политической истории.

Введение

Вопросы о месте России в Европе, оказавшиеся в центре общественной жизни России с периода преобразований Петра Великого, способствовали обоснованию идей о возможности

развития стран и народов по самобытному сценарию. Первоначально подобные взгляды развивались славянофилами в споре с западниками, причем большое число отечественных религиозных философов переводили духовные аргументы на язык светской полемики. Так был заложен фундамент развития славянофильской мысли. Представители данного течения говорили о том, что русская история имеет свой уникальный смысл. Рассмотрим их взгляды и выводы об особом месте и роли России в мире и на Западе в том числе.

Материалы и методы исследования

В России развитие русской цивилизационной мысли проходило в несколько этапов. Во время правления императрицы Екатерины II для всех общих местом оказалась характеристика императрицей России как части Европы. В последующем в XIX веке начала развиваться мысль о национальной самобытности России. В этот период формулируется теория официальной народности, развиваются идеи славянофилов, утверждавших об особом пути России и славянства. Одной из пощечин общественному мнению оказывается публикация Петром Чаадаевым «философического письма», в котором до логического предела доводится мысль о западном пути как единственно верном, где Россия оказывается лишена цивилизующего начала католического вероисповедания. Подобный вывод во многом формируется на основании взглядов вдохновившего Чаадаева Жозефа де Местра, считавшего католичество истинным началом, одухотворяющим жизнь общества. Подобное обстоятельство оказывается явным примером тому, что перенесение европейской традиции на российскую почву приводит к парадоксальным выводам, наводящим на предположения о сумасшествии автора.

Особый интерес представляют собой также взгляды Алексея Хомякова. Он указал на ушедшие благодатные черты общества первых Романовых, где Царь, дворяне и поместные соборы сообща решали насущные государственные вопросы. Согласно Хомякову, петровская эпоха смела единство самодержавия и народа, заменив ее абсолютизмом. Со времен Петра Великого власть оторвалась от народных корней и насаждает чуждые для культуры начала. По мнению Хомякова, каждый народ реализует в истории Богом данную идею, что определяет его самобытный облик.

Утверждению мысли о чуждости России и Европы способствовала Крымская война. По надуманному предлогу европейские государства поддержали Турцию, высадились в Крыму и осадили Севастополь. Данное событие явилось вопиющим примером извечной враждебности России и Европы, чему посвящает свой труд Николай Яковлевич Данилевский. Его работа вызвала бурную критику как среди западников, так и среди почвенников, указывавших на ряд спорных положений. Работа Данилевского «Россия и Европа» стала первым развернутым трудом, обосновывающим идею о существовании отличных культурно-исторических типов, которые развиваются подобно растениям, имея свой путь и отличительные уникальные черты. В основе культурно-исторических типов лежат общекультурные характеристики, объединяющие носителей родственных языков. Россию Данилевский относит к славянскому типу и указывает на коренные отличия между ним и господствующим в Европе романо-германским. По мнению Данилевского, для европейской истории характерно доминирование первоначально греческого типа, затем римского, а впоследствии романо-германского. Разбирая обстоятельства европейской истории, Данилевский показывает, что культурно-исторический тип не может быть перенят одним народом от другого. Этот факт он раскрывает на примере взаимоотношения Греции и Рима: один тип сформировал вызов другому, но не привел к

заимствованию римлянами чувства прекрасного греков, и римское общество оказалось примечательно своими государственными, военными и правовыми достижениями, а не искусством и науками [Данилевский, 2008].

Одним из важнейших принципов, позволяющих культурно-историческому типу существовать, оказывается независимость от чужеземного владычества. Культурно-исторические типы в своем развитии проходят стадии долгого этнографического формирования и затем государственного расцвета. Славянский культурно-исторический тип еще находится в стадии созревания и пока не явил миру свои черты. Следуя логике Данилевского, получается, что основой для мировоззренческого своеобразия и представления о добре и зле, отличающих разные культурно-исторические типы, оказывается язык. Он достаточно много внимания в своей работе уделяет рассмотрению того обстоятельства, какие науки и искусства получают распространение у разных народов. Описывая будущее государственное единство славян, Данилевский рисует картину, которая впоследствии будет критиковаться в том числе представителями почвеннических кругов. Он говорит о будущей федерации славянских народов со столицей в Константинополе как блистательном прообразе. Одним из достижений романо-германского культурно-исторического типа оказывается развитие естественных наук, что объясняет его влияние в мире. Данилевский много внимания уделяет противопоставлению России и Европы, говорит о ненасильственности включения в состав России многих народов, что коренным образом отличается от характерных для европейцев способов угнетения колоний.

Данилевский был первым, кто начал разрабатывать цивилизационную теорию, и его подход значимо отличается от традиционно европейских представлений о цивилизации как высоко развитом обществе, отличающемся от варварского. Также его подход был противоположным материалистическому пониманию истории, разрабатываемому Марксом и Энгельсом, где развитие орудий труда и средств производства оказывается главной движущей силой, определяющей облик государственных институтов, морали и культуры. В последующем подход Данилевского будет критиковаться Константином Леонтьевым, обратившим внимание не на языковую и культурную родственность славян как определяющую мировоззрение русского народа, а на религиозные качества, воспринятые от Византии, которые определили слабые аристократические и даже семейные начала, но особенно сильное почитание государства.

Константин Леонтьев образцом государственности для России считал Византию. В труде «Византизм и славянство» Константин Леонтьев продолжает идею развития биологических этапов в ходе «триединого процесса»: первоначальной простоты, цветущего объединения и сложности, и вторичного смесительного упрощения, свойственного точно так же, как и всему существующему. Первый этап предполагает начало жизни культуры – она только родилась и делает первые шаги, словно ребенок. На втором этапе культура становится сложной, ее внутреннее содержание раскрывается разносторонне и оригинально, увеличивается богатство людских потребностей, вследствие чего развивается форма, с противоречивой культурой. Данный этап есть некая интерпретация юности человека. Завершающая фраза представляет собой прощение с «высшим», когда конкретное и четкое содержание исчезает – с точки зрения человеческой жизни этот этап трактуется как этап зрелости. При этом, необходимыми элементами у каждой из цивилизаций являлись государственная форма (выясняется при начале их цветения), одна религия и тесно связанная с их историческими судьбами и культура [Леонтьев, 1993].

В своей работе Константин Леонтьев идею славянского единства противопоставляет идею национальной самобытности русской цивилизации, основанной на наследии византийской государственности. Он пишет, что византизм – это политическая форма, в которой развивается русская государственность [Леонтьев, 1993]. Здесь мы видим отличие его взглядов от мнения Николая Данилевского, который вслед за ранними славянофилами ставил во главу племенного начала в русской истории славянский самобытный фактор. Как выразился Леонтьев, «то же самое мы можем наблюдать и в растительных организмах, процессах, органах и в растительной классификации по отделам, по собирательным единицам. Все вначале просто, потом сложно, потом вторично упрощается, сперва уравниваясь и смешиваясь внутренне, а потом еще более упрощаясь отпадением частей и общим разложением, до перехода в неорганическую "Нирвану"» [Леонтьев, 1993].

Сущность государственного устройства он рассматривал в совокупности религиозных и научных мировоззренческих позициях, объясняя это термином «византизм». Рассматривая данный термин, Константин Леонтьев дает ему точное определение: «Византизм есть прежде всего особого рода образованность или культура, имеющая свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятийные начала и свои определенные в истории последствия. Отвлеченная идея византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается из нескольких частных идей: религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных». Что касается славянизма, то Леонтьев представляет его как нечто неопределенное и размытое: «Представляя себе мысленно всеславизм, мы получаем только какое-то аморфическое, стихийное, неорганизованное представление, нечто подобное виду дальних и обширных облаков, из которых по мере приближения их могут образоваться самые разнообразные фигуры».

Леонтьев относился к славянам с критикой, так как считал, что славянский тип тянется к западу и был готов предать славянское дело, православие и Россию. Сопереживание к своим прародителям давало ему сугубое моральное право быть к ним зачастую весьма суровым, и особенно к славянам православным: «Если они нам очень близки, если они нам братья, мы должны относиться к ним как к самим себе, с прямотой и откровенностью. Критика доброжелательности не исключает». Таким образом, по мнению Леонтьева, запад и восток стесняют Россию, Византия же дала России православие и самодержавие, ставшие основой развития Российского государства. Он составляет сущность русизма, благодаря которому мы и выдержали натиск монголо-татар. Благодаря Византизму, православию, идее царской власти, был образован единый организм – Русь.

Цивилизационная теория Николая Данилевского оказалась малоизвестна среди европейских мыслителей, и Освальд Шпенглер, создавший свое представление о самобытных культурах, переходящих со временем в стадию цивилизации, что публицистически характеризуется многозначительным термином «закат», стал одним из первых, провозгласивших подобные идеи в общемировом масштабе.

Вопреки названию и сложившемуся мнению, Освальд Шпенглер не говорит о крахе Запада, а указывает на его переход из состояния культуры в механистическую цивилизацию, что характеризуется военным, техническим и политическим могуществом. Безусловно, как мы сейчас можем видеть, переход от общества, одухотворенного ценностями и верованием в Бога, к развитию технологий сказывается на его жизнеспособности, но собственно книга Шпенглера посвящена другим важным, отмеченным на условном Западе тенденциям, не сводящимся в буквальном смысле к «закату».

Результаты и обсуждение

Русская культура находится в начале своего пути и ее пророком Шпенглер называет Достоевского. В отношении России Шпенглер говорил, что эпоха Петра Великого выступила по образу праистории грядущей великой культуры сродни Микенской Греции и периоду Каролингов [Шпенглер, 2014]. Выход первой книги «Заката Европы» в 1918 году во многом совпал с поражением, выступавшей за культуру Германии в противовес англо-саксонской цивилизации, и соответственно привел к предвзятому восприятию среди мировой общественности. Другое обстоятельство, что сам Освальд Шпенглер весьма симпатизировал возрождению германского рейха, что дало многим повод считать его вдохновителем германского нацизма, хоть сам автор и не был понят нацистскими властями, но его репутация среди академического сообщества оказалась неоднозначной.

Шпенглер уделяет особое внимание понятиям нации и национализма в отрыве от понятий крови и примордиализма. По Шпенглеру нации – это политическое воплощение единств на основе культуры, которые вступают друг с другом в противодействие. Исторический народ называется нацией, а культура – это существование наций в государственной форме: «народы как государства и являются в собственном смысле движущими силами всех человеческих событий. В мире как истории выше их нет ничего. Они и есть судьба» [Шпенглер, 2014]. Национальное государство – высшая форма проявления культуры. С точки зрения Шпенглера уместнее говорить не об эллинах вообще, а о спартанцах, фиванцах, афинянах – всех, у кого есть государственность. При этом для арабской культуры нацией является религиозная община.

Шпенглер очень самовольно трактует мировую историю, предвзято объединяя отдельные исторические события в проявления развития культур. По его мнению, греки и римляне являются выражением одного направления, которое в первом случае заявило о себе культурой, во втором – политическим и военным могуществом на уровне цивилизации.

Своего рода попыткой синтеза формационного и цивилизационного подходов является взгляд Арнольда Тойнби, когда с одной стороны ключевым двигателем к формированию отдельных цивилизаций выступает внешняя среда, к которой общество адаптируется, а с другой не уделяется должное внимание культурной самобытности народа, которые на манер теоретиков формационного подхода воспринимаются не уникальной данностью, а реакцией на воздействия внешней среды. Правда, вопрос об особенностях воздействия культуры и языка, а также религии в теории Тойнби, не получает столь значимого места, как это было у Данилевского, Шпенглера, Леонтьева и других. В отношении России Шпенглер указывает, что облик цивилизации формировался из-за необходимости противостоять внешней агрессии, как монгольской, так и европейской. Коммунистический период он воспринимает как время ответного удара по Европе за навязанные ранее ценности [Шпенглер, 2014].

Центральное учение Арнольда Тойнби о цивилизационной концепции основывается на попытке переосмысления общественно-исторического развития посредством процесса постоянно сменяющих друг друга локальных цивилизаций. Свою теорию он изложил в 12-томном исследовании «Изучение истории». Взгляды Тойнби пользовались колоссальной популярностью в XX веке, поскольку он нашел множество интересных обстоятельств в истории, опровергающих исторический материализм Маркса, как например, появление Египетского государства до использования металлических орудий, а с другой – возможность синтеза с цивилизационными концепциями. При этом Тойнби не отвергает идею общемирового исторического прогресса как Данилевский и Шпенглер, что позволило его труду стать

популярным в академической среде.

Изучая российскую цивилизацию, он пишет: «Россия была обращена в христианство не Римом, как, например, Англия, а Константинополем; несмотря на их общие христианские корни, восточноправославное и западное христианство всегда были чужды друг другу, антипатичны и часто враждебны» [Тойнби, 2011].

Евразийцы полагали, что географическое положение в решающей степени определяет историю и культуру народа. Концепция евразийцев заключается в том, что Россия — это континент в континенте. «Представляя собой особую часть света, особый континент, Евразия характеризуется как некоторое замкнутое и типичное целое и с точки зрения климата, и с точки зрения других географических условий... Этим и величиной ее определяются и ее экономические возможности...» [Шитихин, 2010]. Николай Сергеевич Трубецкой, один из ярких представителей данного направления, в своей работе «Взгляд на русскую историю не с Запада, а Востока» писал, что государственническое чувство русского народа сформировалось в XIV веке под влиянием Золотой Орды. Такие качества как беспрекословное поклонение государству, веротерпимость и аскетичность стали присущими русским.

Свои рассуждения в русле евразийства Николай Сергеевич Трубецкой начинает с непризнания главенствующей роли Киевской Руси как главного государствообразующего фактора современной России. К такому выводу он приходит в результате рассмотрения истории: Н.С. Трубецкой указывает на прямую связь Древнерусского государства с торговым путем и его прикреплению к речной системе, отмечая, что в полной степени Киевская Русь не могла контролировать ее в связи с расположением в области, подконтрольной степным кочевникам [Леонтьев, 1993]. Как только торговый путь начал утрачивать свою значимость в связи с известными историческими событиями, изменилась геополитика государства в направлении поиска новых административных центров среди княжеств: «Всякое государство жизнеспособно лишь тогда, когда может осуществлять те задачи, которые ставит ему географическая природа его территории» - пишет Н.С. Трубецкой.

В учении Николая Трубецкого «Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока» идейная основа заключается в том, что Россию нельзя отнести ни к Востоку, ни к Западу, так как Россия есть государство самостоятельное, полноценное и поступательное, важную роль в становлении которого сыграло влияние монгольского правления: «В исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом» (Трубецкой, 1995). Таким образом, в понимании Трубецкого монгольское нашествие со всеми вытекающими последствиями является системообразующим фактором в становлении единого евразийского государства. «Эти новообращенные татары, вливаясь в русский правящий класс, «...» сделали одной из надежнейших опор зарождающейся русской государственности, а в то же время, принося с собой традиции и навыки монгольской государственности, персонально закрепляли преемственную связь между монгольской и русской государственностью», - отмечает роль абсолютных качеств кочевников, служителей Чингисхана, в становлении русской государственности.

Так, например, монгольское признание получали все виды религиозных течений. И русское государство впоследствии вобрало в себя принцип веротерпимости: «Религии эти не преследовались, не оскорблялись, но в то же время принимались меры к тому, чтобы голос православных проповедников доходил до слуха "ходящих во тьме по неведению"». [Савицкий, 1997]. Однако главным отличием Московского государства, которое во многом и привело к его

расцвету, является православие как объединяющее мировоззрение. Для русских людей не существовал институт религии как нечто обособленное от их повседневной жизни, напротив, церковь, являясь институтом формирования общественных ценностей, способствовала единению христиан: «Именно сила горения русского религиозно-национального чувства переплывала северо-западный улус монгольской монархии в Московское царство, в котором монгольский хан оказался замененным православным русским царем». Николай Трубецкой отмечал: «Быть православным значило не только исповедовать определенные догматы и исполнять нравственные предписания церкви, «...», но и вкушать в определенные дни установленную постную или скоромную пищу, носить платье определенного покроя и т.д. В этом общем быту выделялось нечто общее между всем русским народом, что усиливало чувство единства и уникальной идентичности: «Вера входила в быт, быт – в веру, оба сливались воедино, в целостную систему "бытового исповедничества"» [Трубецкой, 1995].

Исходя из учения Николая Трубецкого, мы можем выделить и такую тенденцию как аскетичность. Религиозные постулаты способствовали тому, что жизнь людей, независимо от их общественного положения, сводилась к исполнению религиозного обета. Здесь важнейшим институтом и была Церковь, которая, будучи самостоятельной от монгольского влияния, способствовала религиозному воздействию на людей. Размышления князя Николая Трубецкого были направлены на анализ связи религиозного проповедования и государственности: «Органическую часть этого бытового исповедничества составляла и государственная идеология, которая, как все в русской жизни, была неотделима от религиозного мирозерцания».

В труде «От Руси до России» Лев Гумилев также отмечал и описывал воздействие Золотой Орды на государствообразующий фактор российского государства и на формирование государственнического чувства русского народа, выражавшегося в почитании государства в XIV веке. Гумилев придерживается той позиции, что монгольское нашествие не является свирепым и беспощадным завоеванием, как это позиционируют в историографии. Жестокость монголов во многом преувеличена и вырвана из контекстов других, не менее кровавых и жестоких событий, с исторической стороны монголы вели себя также, как и другие этносы. Позиция относительно идейно-мировоззренческого поля у Гумилева склонялась к евразийству, в которое он смог внести некоторые концептуально новые идеи, став фактически последним представителем данного течения.

Особенностью в исследованиях Гумилева является изучение природных географических и климатических факторов как государствообразующих: развитие этноса он связывает с большими природными циклическими колебаниями, описывая процесс Великого переселения народа с точки зрения пассионарного толчка. Пассионарность Гумилев трактует как биохимическую энергию живого вещества биосферы, определяющую способность и стремление к изменению окружения, или, переводя на язык физики к нарушению инерции агрегатного состояния среды [Гумилев, 2016]. Согласно этой теории, каждая культура или народ имеет свою собственную пассионарность, которая через определенные фазы может выражаться в миграциях, политических и социальных движениях.

Гумилев начинает свою книгу с исследования Великого переселения народов и истоков русского этноса на основе собственной теории. Он обращается к историческим и археологическим источникам, чтобы показать, каким образом славянские племена постепенно сформировались в русский народ. У каждого народа был свой способ ведения хозяйства и поддержания жизни. Основным рассматриваемым фактором в связи с хозяйственной

деятельностью являются географические особенности территорий. Лев Гумилев обращает внимание на значимость географических условий в процессе формирования культуры и образа жизни русских народов. Рассматривая идеологическую почву древнерусского государства, Гумилев отмечает, что у этой проблемы был и международный аспект, обусловленный постоянными суперэтническими контактами. Выбор веры как важнейший идеологический, способствующий объединению фактор, имел значимое военно-политическое следствие, так как Русь обрела сильного союзника в лице Византии и объединила народы под единой идеологической основой. «Крещение дало нашим предкам высшую свободу — свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю», подытоживает Гумилев цивилизационный масштаб выбора православного вероисповедания, который стал опорной точкой для формирования славянской цивилизации [Гумилев, 2015]. Затем ученый анализирует процесс объединения русских земель под властью князей Киевской Руси и называет этот исторический этап новой фазой этногенеза – обскурацией, то есть значительного увеличения числа субпассионариев и переходом в «век трагической гибели» для Руси.

Именно в XVIII веке усложняется процесс этногенеза в связи с монгольским фактором. В этой области Лев Николаевич особенно выделяет способности Александра Невского, который пренебрег догматикой и заключил союз с Батыем: «Заложенные князем традиции союза с народами Азии, основанные на национальной и религиозной терпимости, вплоть до XIX столетия привлекали к России народы, жившие на сопредельных территориях». Гумилев как представитель евразийства рассматривал монгольское нашествие как положительную историю для Руси, так как их завоевания начались в период кризиса пассионарности, связанного с феодальной раздробленностью. Благодаря мудрой политике Невского в области военного сотрудничества с монголами, на западе удалось избежать глобального военного влияния крестоносцев на православных славян. Однако, пассионарный кризис существовал что до монголов, что во время их завоевания, однако именно монголы позволили Руси развиваться по своему пути без особого вмешательства в этногенез, при этом не допуская силу в лице запада также оказывать влияния на данный процесс. В XIV веке Орда перешла в новую фазу этногенеза – акматическую, затраты на усилия перехода в новую фазу развития привели к потере доминанты и переходу к Исламу.

Гумилев выделяет две отправных точки начала формирования славянской цивилизации – принятие христианства: «Добро и мудрость христианства в 988 г. сразились с Перуном и стремлением к наживе — действительным богом рахдонитов. Крещение дало нашим предкам высшую свободу – свободу выбора между Добром и Злом, а победа православия подарила Руси тысячелетнюю историю» и монгольское нашествие, в результате которого был сформирован славяно-монгольский суперэтнос [Гумилев, 2015]. Представления Гумилева об одном из ключевых отрезков русской истории заключались в том, что на самом деле не было татаро-монгольского ига и все события завоевания не более чем ответная реакция на действия Ливонского ордена в Прибалтике: в то время, как целью крестоносцев было завоевание территории и уничтожение православия, орда после первого нападения ушла в степь и не только проявила терпимость к православным, но дала обещание о неприкосновенности православной веры, храмов и церковного имущества. Эта гипотеза подвергается обширной критике в научной среде. Однако, по нашему мнению, если рассмотреть цивилизационный подход в концепции евразийства Гумилева по вопросу монгольского влияния на российскую цивилизацию, то мы можем сделать следующие авторские выводы: «Союз с Ордой – не иго Орды, а военный союз с

нею – предопределил особый путь Руси», таким образом Л.И. Гумилев отмечает, что союз с Ордой помог сохранить «золотой пояс» древних городов вокруг Москвы и основы русской культуры, в то время как при западной экспансии от славянской цивилизации не осталось бы и следа; здесь мы, вслед за Гумилевым, приводим в качестве иллюстративной аналогии историю с Ливонскими завоеваниями и католичеством, которые в конечном счете потеряли свой облик, поэтому татарско-монгольское нашествие нанесло не вред Руси, а было защитным механизмом, который сдерживал западный натиск.

Заключение

На основании рассмотрения представленных теорий представляется уместным сделать вывод, что синтез подходов Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и евразийцев представляется наиболее интересной версией, позволяющей объяснить уникальные черты русской государственности. Одним из качеств, отличающих русских от иных православных и славянских народов является сильное государственно-чувственное чувство. С точки зрения евразийцев это качество стало присуще России со времен собирания русских земель вокруг московского княжества при Иване Калите, впервые получившем право собирать самостоятельно дань и передавать их Орде. С этого момента формируется новое государство Россия, которое, по мнению Л.Н. Гумилева, уместно воспринимать отдельно от Руси, с которой Россию связывала лишь общая культура. Последующие события приводят к формированию на месте русских княжеств принципиально нового государственного объединения, ориентирующегося на сильную державную власть.

Рассматривая подход К.Н. Леонтьева, необходимо указать на верность трактовки православия как одного из определяющих черт русского мировоззрения, правда, необъяснимым остается вопрос, почему именно русский народ воспринял идеи византизма, а не те же самые греки. Православие оказалось благодатной почвой для восприятия идей власти, идущей от Бога, в отношении которой личность выражает почтение. Слабые аристократические и даже семейные чувства русских согласно К.Н. Леонтьеву получают выраженность в сильном державном начале.

Обращаясь к разработкам первооткрывателя цивилизационного подхода Н.Я. Данилевского, важно признать, что язык действительно оказывается началом культуры народов, и в отношении славянских этносов уместно говорить о неких сродных качествах. Правда, общность качеств славянских народов вторична перед религиозными, политическими и историческими обстоятельствами, выработавшими у них отличительные пристрастия в отношении политических институтов и нравственных ориентиров.

Библиография

1. Борзова Е.П., Лебедев С.П., Исаченко Е.С. Русский характер, православный культурный код и менталитет российского народа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021.
2. Вельм И.М. Общее и особенное в национальной культуре // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. № 1. С. 174-179.
3. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. Под ред. Е.М. Гончарова. М.: Айрис-Пресс, 2015.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Сост. и коммент. Ю.А. Белова, отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
5. Л.Н. Гумилев *Passionarium*. Теория пассионарности и этногенеза М.: АСТ, 2016. 978 с.

6. Леонтьев К.Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2000-2007. 640 с.
7. Леонтьев К.Н., Византизм и Славянство. Избр. М.: Рарогъ; Московский рабочий, 1993.
8. Савицкий, П. Евразийство как исторический замысел // Континент Евразия. М., 1997.
9. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: пер. с англ. М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. 318 с.
10. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.
11. Цивилизационная теория в России – прошлое, настоящее и будущее.
12. Шевченко В.Н. Н.Я. Данилевский о геополитических отношениях России и Запада в контексте современной ситуации в стране и мире (к 200-летию со дня рождения) // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 114-130.
13. Шитихин П.П. Общее и особенное в национальной культуре // Взгляды евразийцев и Л.Н. Гумилева на особенности цивилизационного развития России. 2009. № 7. С. 145-148.
14. Шпенглер О. Закат западного мира. М.: Альфа-Книга, 2014. 1085 с.

Unique features of Russian civilization based on a synthesis of the views of theorists (socio-philosophical analysis)

Vladimir V. Blinov

PhD in Political Science,
Associate Professor, Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: vvblinov@fa.ru

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Abstract

The civilizational approach suggests a perception of global history not as a linear direction, where all peoples go through common stages of development, but focuses on the unique features of individual civilizations, sometimes denying the global course of history and progress as such. Various researchers identify groups of civilizations built on the basis of linguistic, historical, religious, and cultural proximity of different peoples. In this regard, of particular interest is the answer to the question whether it is appropriate to talk about Russian civilization, which has significant differences from other Slavic and Orthodox peoples. This paper examines the views of individual representatives of the civilizational approach, pointing to the unique features of Russian civilization. The author forms his own view on the key political aspects of Russian history, synthesizing a number of conceptual foundations that explore the origins and formation of statehood as such, in general, and Russian (Russian) in particular

For citation

Blinov V.V. (2024) Unikal'nye cherty russkoi tsivilizatsii na osnovanii sinteza vzglyadov teoretikov (sotsial'no-filosofskii analiz) [Unique features of Russian civilization based on a synthesis of the views of theorists (socio-philosophical analysis)]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 41-51.

Keywords

Statehood, national identity, civilizational approach, Russian statehood, Russian civilization, concepts of political history.

References

1. Borzova E.P., Lebedev S.P., Isachenko E.S. Russian character, Orthodox cultural code and mentality of the Russian people // *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2021.
2. Velm I.M. General and special in national culture // *Yearbook of Finno-Ugric studies*. 2016. No. 1. P. 174-179.
3. Gumilev L.N. *From Rus' to Russia. Essays on ethnic history*. Ed. EAT. Goncharova. M.: Iris-Press, 2015.
4. Danilevsky N.Ya. *Russia and Europe. Comp. and comment*. Yu.A. Belova, rep. ed. O. Platonov. M.: Institute of Russian Civilization, 2008. 816 p.
5. L.N. Gumilev *Passionarium. Theory of passionarity and ethnogenesis* M.: AST, 2016. 978 p.
6. Leontyev K.N. *Full collection op. and letters: In 12 volumes*. St. Petersburg, 2000-2007. 640 pp.
7. Leontiev K.N., *Byzantium and Slavism*. Favorite M.: Rarog; Moscow worker, 1993.
8. Savitsky, P. *Eurasianism as a historical plan* // *Continent of Eurasia*. M., 1997.
9. Toynbee A.J. *Civilization before the court of history. World and the West: trans. from English* M.: ACT: Astrel; Vladimir: VKT, 2011. 318 p.
10. Trubetskoy N.S. *The Legacy of Genghis Khan. A look at Russian history not from the West, but from the East* // *History. Culture. Language*. M.: Progress, 1995.
11. *Civilization theory in Russia – past, present and future*.
12. Shevchenko V.N. N.Ya. Danilevsky on geopolitical relations between Russia and the West in the context of the current situation in the country and the world (on the occasion of the 200th anniversary of his birth) // *Problems of civilizational development*. 2023. T. 5. No. 1. P. 114-130.
13. Shitikhin P.P. *General and special in national culture* // *Views of Eurasians and L.N. Gumilyov on the features of the civilizational development of Russia*. 2009. No. 7. P. 145-148.
14. Spengler O. *Decline of the Western World*. M.: Alfa-Kniga, 2014. 1085 p.

УДК 001**Право и этика: коррекционные основы медийной деятельности****Нуруллина Гульфиза Мазитовна**

Кандидат политических наук, доцент,
доцент,
Набережночелнинский филиал,
Университет управления «ТИСБИ»,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: Nurullina@inbox.ru

Аннотация

В условиях общественной трансформации претерпевает серьезные изменения (как позитивные, так и негативные) присущая массово-коммуникативной деятельности в силу её социально-политической природы коррекционная система механизмов внешней регуляции и внутренней саморегуляции. Разумеется, доминантная цель в работе этих механизмов в принципе остается неизменной: в самом общем виде она заключается в том, чтобы основной субъект информационной деятельности – журналистика – в рамках формируемой ею массмедийной политики не наносила вред (из благих или злых намерений) политическим, экономическим, нравственным основам породившего её общества.

И в том числе – основам цивилизованных (этико-правовых) отношений между властью и народом, в рамках которых пресса выступает информационно-коммуникативным посредником. Она аккумулирует в этом поле социально-политического взаимодействия этику поведения обоих субъектов (и власти, и народа) и добавляет свой этический модуль, который способен либо повышать, либо понижать общий социокультурный уровень политической коммуникации. Образующийся при этом тройственный симбиоз этики власти, этики народа, этики прессы в идеале предполагает не только оптимальное решение злободневных социально-экономических проблем, но и поддержание на должном уровне психического и нравственного здоровья людей.

Для цитирования в научных исследованиях

Нуруллина Г.М. Право и этика: коррекционные основы медийной деятельности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 52-59.

Ключевые слова

Медиасреда, саморегуляция, вторичная социализация, тенденции действительности, интеллектуальный туризм, концепция, рыночный фундаментализм, коррекция.

Введение

Тиражируемая прессой социальная информация способна существенно изменить образ мыслей, мнение каждого человека, а с ним и общественное мнение, формировать взгляды и

поступки людей, соответствующие общественным требованиям конкретно-исторического периода. Выходит, журналистика обладает сильнейшим кумулятивным эффектом, или способностью проникать вербально-визуальным зондом в самые отдалённые уголки сознания и подсознания людей и «переделывать» его под заданные алгоритмы поведения. В силу особой значимости этой коррекции, возможной как в позитивную, так и в негативную стороны, непрерывно протекающий в обществе массово-информационный процесс не должен пускаться на самотёк. Наоборот – по причине специфической важности и необходимости этот процесс должен регулироваться и саморегулироваться соответствующими его характеру социально-управленческими механизмами внешнего и внутреннего действия.

Основное содержание

Как известно, любая система в обществе в целях бесперебойного и успешного функционирования должна одновременно управляться (извне) и самоуправляться (изнутри). Журналистика как система средств массовой информации не является исключением из этого правила. Она активизирует важнейший для общественного развития фактор - распространяемую в широких масштабах социальную информацию, которая, будучи сознательно отобранной и целенаправленно используемой, обладает большой убедительной силой, воздействующей на массовую аудиторию.

Роль внешних и внутренних механизмов состоит в поддержании в обществе на заданном качественном уровне информационной связи, информационного взаимодействия, или постоянного обмена информацией, сведениями о различных фактах, событиях, явлениях, тенденциях социальной действительности. Это необходимо каждому человеку для того, чтобы «успешно выполнять свою социальную роль, управлять многочисленными объектами окружающего мира, управлять самим собой, коллективами людей» [Авраамов, 1999, с.240].

По этому заказу в непосредственной социальной практике постоянно возникают требующие оперативного решения проблемы интроекции в журналистскую деятельность, с одной стороны, этических норм и, с другой - правовых уложений.

1. Этические нормы - они предметно необходимы в качестве идеологической основы саморегуляции деятельности прессы (изнутри), поскольку журналистика является профессией массово-воспитательной в том смысле, что она путём распространения специально подобранной и переработанной информации прямо или косвенно участвует в социализации (воспитании) больших групп людей разных возрастов. И с моралью, этой основой всякого воспитания, у прессы отношения самые родственные.

Еще в начале XIX века А.С. Пушкин говорил о недостаточности регулирования деятельности прессы только правовыми уложениями и о необходимости наличия для этой цели в обществе этических правил: «Сочинения Видока не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства...; со всем тем, нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?» [Пушкин, 2000, с.129-130].

В сущности, журналистская (информационная) деятельность является родственной учительству и врачеванию: с ними её объединяет общий предмет - человек, его благо и здоровье, духовное и физическое. Отсюда проистекает непреложное для журналиста (пиармена, рекламиста) требование - повседневно следовать в работе первой этической заповеди «Не навреди!». Любой журналист-профессионал слагается из социального моралиста и тонкого

стилиста. Всё остальное, даже самое супермодное, из области электронно-информационных технологий, вроде Интернет, - лишь приложение к двум названным функциональным аспектам.

И в принципе в роли социальных моралистов выступают фактически все журналисты - и экономического, и экологического, и социологического, и политологического, и любого другого профиля, а не только те, кто специализируется на собственно нравственной проблематике. Основной целью прессы, активно применяющей в своих выступлениях способы публичного одобрения или порицания, то есть социализированные формы массового воспитания, является достижение обществом, группой, индивидом высоких образцов нравственности как наиболее прочного фундамента человеческого общежития. Само общество, которому должна служить пресса в целях его самосохранения и развития, кровно заинтересовано в уменьшении «количества зла» и, наоборот, в увеличении «количества добра» в повседневной жизни. По этой причине общество выдаёт журналистике соответствующий социальный заказ, который по сути своей носит нравственно-воспитательный характер.

Из всего сказанного можно предположить, что журналистика имеет в своём функциональном арсенале два вида воздействующего «оружия» - мораль и слово. Первое оружие считается идейным (воспитательным), второе - техническим (инструментальным). В названной «сцепке» безусловный приоритет отдаётся морали, причём связанной с высокими её образцами (истиной и добротой) и подаваемой в виде «императивной нравственности». Последняя побуждает гражданина, чиновника, политика - не силой власти, а силой примера (антипримера) - поступать с учётом норм и правил социально разумного поведения, в чём, собственно, и заключаются цели и задачи общественного воспитания (первичной и вторичной социализации).

С инструментальной точки зрения пресса не обладает повелительно-прагматическими свойствами законодательной, исполнительной и судебной власти - она не может кому-то приказать, кого-то посадить, кому-то дать, у кого-то отобрать. Она лишь может, помимо нейтральной констатации, одобрить или осудить факт, событие, явление, тенденцию действительности, и на основе публично высказанных моральных настояний понудить силой общественного мнения какой-либо социальный институт, группу, индивида к переменам в сознании и поведении, за которыми вполне могут последовать конкретные действия или поступки как позитивного, так и негативного свойства.

В первом случае общество получает от прессы доброкачественную информацию, способствующую его самосохранению и развитию, во втором случае, наоборот, недоброкачественную информацию, ослабляющую его духовно-нравственный иммунитет, что впоследствии отрицательно сказывается и на правовом поле. Как точно заметил К. Маркс, «свобода печати, подобно врачу, не обещает совершенства ни человеку, ни народу. Она сама не является совершенством» [Маркс, 1985, с.41]

Качество массовой информации – материя многосложная, которая производится большим числом ингредиентов. И совсем не случаен происходящий сегодня содержательно-технологический парадокс в деятельности прессы: чем дальше по времени, тем заметнее журналистика отдаляется от «чистой» филологии. Всё больше элементов правоведения, социологии, психологии, экономики, культурологии добывает она к своей онтологической сущности. Смешиваясь с «чужим» материалом, она рельефнее очерчивает собственное социально-творческое лицо. Интегрируя «кристаллы» смежных дисциплин, журналистика как бы довооружается дополнительным инструментарием, что позволяет ей более точно отражать и компетентно судить о фактах, событиях, явлениях, тенденциях действительности.

Правда, здесь следует оговориться: для всех разнопрофильных прибавлений в журналистику есть один не нарушаемый предел - он связан с корневой (этико-филологической) сутью самой этой деятельности, которая рискует быть размытой необъятным числом сопутствующих «довложений». В этом случае журналистика рискует превратиться в интеллектуальный культуризм с акцентом на пресловутую достаточность лишь заявления (в лучшем случае – объяснения) фрагмента жизни, но никак - не одобрения его или ниспровержения в публичном варианте, что означает фактический отказ прессы от участия в общественном воспитании (социализации граждан).

2. Правовые уложения - они предметно необходимы в качестве технологической основы регуляции деятельности прессы (извне), поскольку журналистика является профессией социально-управленческой в том смысле, что она путём формирования общественного мнения, выполняющего функцию социального контроля, прямо или косвенно регулирует решения и действия органов власти и общественных институтов. И с правом, этой основой всякого управления, у прессы отношения потенциально конструктивные.

Последнее словосочетание употребляется здесь неслучайно. Увы, со знанием основ техники информационной безопасности, правовой набор которых сосредоточен, прежде всего, в Законе РФ «О средствах массовой информации» и ряде смежных законов, у журналистов дело сегодня обстоит неблагоприятно. Актуальность этой, сугубо практической, проблемы показывают выборочные опросы сотрудников региональных и муниципальных газет. Оказалось, что среди них только каждый десятый знает - и то лишь на «удовлетворительно» - права и обязанности журналиста, изложенные в именном законе.

Вероятно, отсюда берёт начало и крайняя односторонность судебных разбирательств на региональном уровне, связанных с деятельностью печати, радио, телевидения: почти все предъявленные иски «обвиняют» журналистов в нанесении персонажам публикаций (выступлений) морального вреда. И на фоне их не обнаруживается ни одного журналистского иска, «обвиняющего» должностное или иное лицо в непредоставлении или сокрытии социально значимой информации, что случается в регионах сплошь и рядом. Отсюда также проистекает неадекватное - из-за правовой малограмотности - поведение журналиста в тех случаях, когда рабочая ситуация, связанная со сбором, обработкой и использованием фактурного материала, выходит из нормальных параметров.

Безусловно, этика в журналистике с точки зрения её регуляции и саморегуляции как бы «добирает» то, что остаётся за рамками права, и этот функциональный (нравственно-юридический) синтез вполне закономерен по всем канонам прогрессивного общественного развития. Неслучайно ещё Б. Спиноза заметил: «Кто хочет всё регулировать законами, тот скорее возбудит пороки, нежели исправит их» [Спиноза, 1998, с.239]. При этом право в большей степени задействуется в целях регуляции медиасреды, а этика - в целях её саморегуляции.

Итак, коррекционные основы медийной (журналистской, пиаровской, рекламной) деятельности с помощью права и этики классифицируются достаточно чётко: а) начала внешние, обеспечивающие регуляцию, возникают на основе права, и б) начала внутренние, обеспечивающие саморегуляцию, образуются на основе этики. Постоянная внешняя и внутренняя коррекция журналистской деятельности правовыми и этическими механизмами является необходимым условием для системно-непрерывного адсорбирования выходящей с массмедийного конвейера информационно-коммуникативной продукции от деструктивных (вредных для духовного здоровья нации) вербально-визуальных токсинов и обеспечения массовой аудитории доброкачественными фактами, сведениями, оценками, комментариями.

В этом случае конечный продукт журналистской деятельности (массово ориентированный медиатекст) должен быть исключительно профессиональным – то есть, безусловно правовым и безукоризненно нравственным. Как раз на единстве профессионализма, права и морали в журналистике особенно настаивал Г. Маркес в своих размышлениях о природе прессы: «По образному выражению замечательного писателя, разделять эти понятия – всё равно, что пытаться отделить жуужание от мухи» [Казаков, 2001, с.7].

Тем не менее, разделение этих понятий – профессионализма, права, морали – явственно наблюдается в современной постмодернистской прессе. Очутившись в шоковых условиях информационного рынка, российские журналисты до сегодняшнего дня не сумели овладеть диалектической суммой рационализированных приемов и способов профессионального выбора, которые заключаются в умении принимать автономные решения, как в простых, так и сложных производственных ситуациях, из которых, собственно, и составляется весь журналистский процесс.

В настоящее время в медиасфере российского общества при всей его многообразности и противоречивости с наглядной безусловностью доминирует социетальная модель журналистики, которую можно назвать «экономико-центрической». В сущностно-функциональном основании этой модели - идеологических посылок и технологических средствах - лежит рыночная (маркетинговая) философия, которая выражается в словах А.К. Омельчука: «Мы, телевизионщики, производим продукцию, но не производим товар, мы производим продукцию, но не продаём её... Телепродукция должна стать товаром. Товар или купят, или не купят» [Омельчук, 1995, с. 79].

Вербально-визуальное следование на практике принципам и векторам данной философии приводит к гипертрофии товарных отношений в информационно-вещательном секторе духовной отрасли системы социального воспроизводства. В формате «экономико-центрической» модели журналистика как миссионерская профессия рискует с обретением тотальной товарности потерять основы первородной духовности. При этом пресса в своей корпоративной среде постепенно фетишизирует получаемую экономическую прибыль от периодического издания как единственно верный показатель социально-творческого успеха и отсюда выстраивает медийную информационную политику.

Далее, современная постмодернистская журналистика переносит действие этого показателя на общественную среду, фактически превращаясь в ниспровергателя высокой нравственности с помощью расхожего тезиса: то, что прибыльно, морально, а то, что убыточно, аморально. И получилось как получилось: в постперестроечный период, лишившись государственного протекционизма и, соответственно, надёжного источника финансирования, «одни газеты теряют последний стыд, возвращаясь в своей официозности к лучшим образцам партийной журналистики. Другие меняют независимость от власти на зависимость от денежного мешка» [Гольдберг, www... , с.21].

Возникающая по причине этической амбивалентности современной политизированной прессы, бифуркация (разветвление) профессиональной морали на вектор-плюс и вектор-минус неизбежно порождает в социально-психологическом плане: а) позитивные рабочие установки (на воспроизводство добра и правды) и б) негативные их аналоги (на воспроизводство зла и лжи). Со временем двойственность этих установок становится многосторонней, или характерной для всех стадий творческого процесса, и постепенно нивелирует в корпоративном сознании нормы и правила традиционной (миссионерской) морали.

Во-первых, профессионально-этический вектор-плюс, где в самом творческом замысле

журналистской публикации и его медиатекстуальном воплощении отчётливо просматриваются позитивная (благоприятная для самосохранения и развития общества) цель, реализуемая адекватными публицистическими средствами (социальной фактурой, цельной концепцией, выдержанным стилем, моральным резюме, идентификацией реальности, рефлексией содержания, пафосом созидания).

Во-вторых, профессионально-этический вектор-минус, где в самом творческом замысле журналистской публикации и его медиатекстуальном воплощении отчётливо просматриваются негативная (неблагоприятная для самосохранения и развития общества) цель, реализуемая адекватными публицистическими средствами (виртуальной фактурой, аморфной концепцией, ёрническим стилем, аморальным резюме, дезинформацией реальности, агрессивностью содержания, пафосом разрушения).

Повседневное состояние переходной журналистики, его онтологические, гносеологические, аксиологические аспекты определяются, в основном, приверженностью творческих коллективов (за некоторыми исключениями) принципам рыночного фундаментализма. В этой связи современная «экономико-центрическая» пресса переносит прибыльный (товарно-денежный) интерес на обе генерализованные стороны творческого процесса в журналистике:

а) поведенческо-инструментальную сторону, когда журналист действует: выбирает тему и собирает фактуру;

б) содержательно-вербальную сторону, когда журналист пишет: обдумывает сюжет и словесно оформляет текст.

Бифуркация творческого процесса произрастает на благоприятной (этически-амбивалентной) почве для различных деформаций нравственно-профессионального сознания, отступающего от традиционных (миссионерских) канонов журнализма. При этом легко предположить, что произойдёт в случае отклонения журналиста от позитивно-моральной рабочей установки – в публичной сфере появится либо неконструктивный (бесполезный), либо деструктивный (вредный) медиатекст с асоциальной темой, виртуальной фактурой, искусственным сюжетом, вычурным или вульгарным языком.

Заключение

Известно, что неверная стратегия всегда влечет за собой неверную тактику: ошибочное целое неизбежно переходит в неправильное частное. Если в силу господства контрэтики в современной массмедийной деятельности попирается главная этическая её составляющая – информационный долг перед обществом (отношение «журналист – аудитория»), то находить высокую мораль в других парах взаимоотношений крайне затруднительно, что подтверждается семантико-стилистическим анализом конкретных медиатекстов.

Профессиональная корпорация журналистов не может успешно существовать без строгого соблюдения на практике цивилизованных этических норм и правил своей деятельности. Но этот основополагающий тезис редко выполняется работниками современной отечественной прессы, о чём свидетельствует экстраполяция признаков и свойств их медиапродукции на постулативные требования Кодекса профессиональной этики российского журналистики.

Библиография

1. Гольдберг Р.С. О чём скажет цвет кошки на столе / Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов. - С. 21.

2. Гульфица Н. Что прибыльно, то морально? Этические трансформации массмедийной политики //Государственная служба. – 2009. – №. 1. – С. 114-116.
3. Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному. Российский медиа-этнос как территория поиска. - М.: Центр прикладной этики, 2001. - С.7.
4. Кодекс профессиональной этики российского журналиста / Авраамов Д.С. Профессиональная этика журналиста. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. - С. 240.
5. Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания //Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. - Т. 1. - С.41.
6. Нуруллина Г. М. Этика и контрэтика в журналистике переходного общества //Вестник Чувашского университета. – 2007. – №. 4. – С. 306-313.
7. Нуруллина Г. М. Этические модули массмедийной политики //Инновационная наука. – 2015. – №. 4-3. – С. 74-78.
8. Омельчук А.К. Каждая профессиональная каста создаёт о себе миф / Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов. - М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995. - С. 79.
9. Пушкин А.С. О записках Видока / Пушкин А.С. Полн. собр. соч. - Т. XI. - С. 130.
10. Спиноза, Бенедикт. Трактаты. - М.: Изд-во «Алгоритм», 1998. - С. 239.

Law and ethics: correctional foundations of media activity

Gul'fiza M. Nurullina

PhD in Political Sciences, Associate Professor,
Assistant Professor,
Naberezhnye Chelny branch,
University of Management «TISBI»,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
E-mail: Nurullina@inbox.ru

Abstract

In the context of social transformation, the correctional system of mechanisms of external regulation and internal self-regulation inherent in mass communication activities, due to its socio-political nature, is undergoing serious changes (both positive and negative). Of course, the dominant goal in the work of these mechanisms remains unchanged in principle: in its most general form, it consists in ensuring that the main subject of information activity – journalism – within the framework of the mass media policy it forms does not harm (for good or evil intentions) the political, economic, and moral foundations of the society that gave rise to it.

And, in particular, the basics of civilized (ethical and legal) relations between the government and the people, in which the press acts as an information and communication intermediary. It accumulates in this field of socio-political interaction the ethics of behavior of both subjects (both the government and the people) and adds its own ethical module, which is capable of either increasing or decreasing the overall socio-cultural level of political communication. The resulting triple symbiosis of the ethics of power, the ethics of the people, and the ethics of the press ideally involves not only the optimal solution to topical socio-economic problems, but also maintaining the proper level of mental and moral health of people.

For citation

Nurullina G.M. (2024) Pravo i etika: korrektsionnye osnovy mediinoi deyatel'nosti [Law and ethics: corrective foundations of media activity]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 52-59.

Keywords

Media environment, self-regulation, secondary socialization, trends, intellectual bodybuilding, concept, market fundamentalism, correction.

References

1. Goldberg R.S. What does the color of the cat on the table say? / The formation of the corporate spirit: the rules of fair play in the journalist community. - P. 21.
2. Gulfiza N. What is profitable is moral? Ethical transformations of mass media policy // Public service. – 2009. – No. 1. – pp. 114-116.
3. Kazakov Yu.V. On the way to professionally correct. Russian media ethos as a territory of search. - M.: Center for Applied Ethics, 2001. - P.7.
4. Code of professional ethics of a Russian journalist / Avraamov D.S. Professional ethics of a journalist. - M.: Publishing house Mosk. University, 1999. - P. 240.
5. Marx K. Debates on freedom of the press and the publication of minutes of the estate meeting // Marx K. and Engels F. Soch., 2nd ed. - T. 1. - P.41.
6. Nurullina G. M. Ethics and counter-ethics in journalism in a transitional society // Bulletin of the Chuvash University. – 2007. – No. 4. – pp. 306-313.
7. Nurullina G. M. Ethical modules of mass media policy // Innovative science. – 2015. – No. 4-3. – pp. 74-78.
8. Omelchuk A.K. Each professional caste creates a myth about itself / The formation of the corporate spirit: rules of fair play in the community of journalists. - M.: NACHALA-PRESS, 1995. - P. 79.
9. Pushkin A.S. About Vidocq's notes / Pushkin A.S. Full collection op. - T. XI. - P. 130.
10. Spinoza, Benedict. Treatises. - M.: Publishing house "Algorithm", 1998. - P. 239.

УДК 001**Постмодернизм: возникновение и становление****Евлоева Фатима Рашидовна**Кандидат философских наук,
доцент,Ингушский государственный университет,
386001, Российская Федерация, Магас, просп. И. Зязикова, 7;
e-mail: 00evloeva@mail.ru**Аннотация**

Предметом исследования автора статьи является описание процессов, происходивших в советской и постсоветской культуре, которые обусловили специфику и особенности проявления постмодернизма, в том числе, самой концепции постмодернизма.

Методология: исторический метод; диахронический и синхронический методы; описание; сравнительный анализ. Основной вклад автора в изучение темы – изучение постмодернизма в рамках историко-философского исследования, выявление тенденций, проявившихся в культурной практике и самосознании в конце XX - начале XXI вв. Речь идет о пересмотре кардинальных предпосылок европейской культурной традиции, связанных с прогрессом как идеалом и схемой истории, с разумом, организующим вокруг себя весь познаваемый мир, с либеральными ценностями как эталоном социально-политического обустройства, с экономической задачей неуклонного прироста материальных благ. Наша сегодняшняя реальность является постмодерной, поскольку для нее характерно разочарование в разуме и прогрессе, неверие в будущее.

Для цитирования в научных исследованиях

Евлоева Ф.Р. Постмодернизм: возникновение и становление // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 60-70.

Ключевые слова

Модернизм; постмодернизм; культура постиндустриального информационного общества; постмодернизм как особое духовное состояние общества; постмодерн как самокритика современности; разочарование в разуме и прогрессе; неверие в будущее, пессимизм.

Введение

Постмодернизм как понятие означает, что траектория общественного движения уводит от институтов модерна к новому типу общества. Для современных постмодернистских социологов и социальных философов (А.Турен, Э. Гидденс, М. Кастельс, Р. Райх, Ж. Бодрийар) общество эпохи модернизма – это индивидуализированное, автоматизированное общество; оно динамично, его социальные связи и взаимодействия поддаются формализации, предельно унифицированы. «Движение вперед осуществляется двумя путями. Наши органы чувств реагируют на небольшие порции раздражений, которые на уровне сознания воспринимаются

как некое непрерывное движение. В этом смысле непрерывность – это определенная предсказуемость. Антитезой ей является непредсказуемость, изменение, реализуемое в порядке взрыва» [Лотман, 2000, с. 17]. В истории происходит постоянное движение, творческое развитие,.. в терминологии Ж. Делеза, может происходить различие, но нет различий. Постмодерн как «все взрывные динамические процессы реализуются в сложном динамическом диалоге с механизмами стабилизации» [Лотман, 2000, с. 17].

По сути, быть современным – значит отвечать духу времени, верить в прогресс, в определенные идеалы и ценности. Постмодернизм как культурное и философское течение возник и постепенно формировался в последней трети двадцатого века; можно охарактеризовать само понятие постмодернизма как главным образом культуру постиндустриального, информационного общества. Вместе с тем это определенное направление в философии. В целом постмодернизм предстает как особое духовное состояние и умонастроение, как образ жизни и культура, как эпоха. Результаты данной работы во многом опираются на философские исследования.

Постмодерн стал своего рода самокритикой современности, вызовом. Считая своей задачей «преодоление» онтологического статуса повседневных ценностей, постмодернисты стремятся сделать их более операционными. Постмодерн – это не новая эпоха, но «переписывание огрехов современности, связанных с проектом освобождения человека посредством науки и технологии. Такое переписывание происходит уже достаточно долго в самой современности (Лиотар). Образ современности менялся множество раз. Установка теоретиков модернизма – «логика нового видения мира должна распространяться на все явления и процессы, этому миру принадлежащие» выражает логику этих изменений. Методологические трудности в изучении постмодернизма обычно связаны с пониманием совершенно разных вещей, а термин «описательный язык» иногда относится к различным явлениям, которые не совпадают друг с другом.

Особого внимания заслуживают два события, существенно изменившие жизнь и мироощущения людей: 1) экономический кризис 30-х годов XX в., вызвавший к жизни фашизм и вторую мировую войну; 2) экологический кризис, проявивший себя в 60-е годы. В целом мироощущение постмодерного человека – неофатализм. Его особенность в том, что человек уже не воспринимает себя в качестве хозяина своей судьбы. В эпистемологической перспективе, по их мнению, не стоит пытаться осознать современность исключительно в терминах рациональности. Разум представляет собой лишь часть целого, именуемого современным миром. Возможно, целостная теория современности может существовать только как регулятивный принцип поиска.

Основное содержание

В целом, постмодернизм предстает перед нами как особое духовное состояние и умонастроение, как образ жизни и культура, как некая эпоха. Особую роль в самоутверждении постмодернизма сыграло появление в 1979 г. книги французского философа Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерна».

Сторонники постмодернизма полагают, что он представляет собой особое духовное состояние, которое может возникнуть и реально возникало в самые различные эпохи на их завершающей стадии. В этом смысле он выступает как метаисторическое явление. Другие сторонники постмодернизма определяют его как особую эпоху, которая началась вместе с возникновением постиндустриальной цивилизации.

Сущностно постмодернизм как бы соотносит и противопоставляет себя модерну. Хронологически модерн рассматривают в двух смыслах: 1) он охватывает примерно два столетия и именуется эпохой разума. Она начинается в конце XVIII века вместе с Великой французской революцией и означает практическую реализацию капиталистического, индустриального общества; 2) начало модерна отодвигается еще на одно столетие назад, до середины XVII века, когда начиналась разработка проекта будущего общества. Некоторые рассматривают его как процесс «упорядоченности чередования в ходе его светлого и темного начал» [Халипов, 1994, С. 237; 4]. Если определить постмодернизм как течение («выступающее как частное по отношению к целостному направлению явление»), то можно рассмотреть его на основании выделенных признаков, придающих целостность течению, отдавая приоритет той или иной черте творчества или самовыражения. Далеко не все, что существовало в Новое и Новейшее время, было модерном, т.е. современным. Он включает в себя ведущие тенденции, которые определяют последующее развитие общества. Быть модерным – значит отвечать духу времени, верить в прогресс, в определенные идеалы и ценности. Наша сегодняшняя реальность является постмодерной, поскольку для нее характерно разочарование в разуме и прогрессе, неверие в будущее. Поэтому Хабермас не без основания называет ведущих представителей постмодерна (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар) неоконсерваторами, которые в отличие от традиционных консерваторов, являются «анархистствующими».

Особого выделения заслуживают два события, существенно изменившие жизнь и мироощущение людей и по-особому объясняющие феномен постмодерна: 1) экономический кризис 30-х годов XX в., вызвавший к жизни фашизм и Вторую мировую войну. Общество потребления, основанное на принципе удовольствия, установилось в США в 50-е годы, в Европе – в 60-е. Оно составляет один из главных устоев постмодерна; 2) экологический кризис, обозначившийся в 60-е годы.

Этот кризис обесценил великую идею преобразования и покорения природы, он убил прежний футуризм, устремленность в светлое будущее, ибо последнее оказалось слишком пугающим. В равной мере он обесценил открывшиеся возможности общества потребления. Экологический кризис все сделал хрупким, временным, эфемерным и обреченным. Следует также добавить угрозу ядерной катастрофы, а также появление СПИДа, отравившего важнейшие составляющие жизни человека – потребность любить и иметь жизнеспособное потомство. В самом общем виде постмодернизм выражает глубокое разочарование в итогах всего предшествующего развития, утрату веры в человека и в гуманизм, разум и прогресс, во все прежние идеалы и ценности. Практически все прежние цели и задачи сводятся только к одной – к проблеме выживания [Алексеев, Панин, 2004].

В социальной сфере постмодерн соответствует обществу потребления и массмедиа. В нем нет четко выраженной социально-классовой структуры. Уровень потребления – главным образом материального – выступает основным критерием деления на социальные слои. Это общество всеобщего конформизма и компромисса. К нему все труднее применять понятие «народ», поскольку последний все больше превращается в безликий «электорат», в аморфную массу «потребителей» и «клиентов».

Историко-культурный процесс Ж. Кондорсе трактует в своей концепции, изложенной в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума»: рассуждая об эпохах прогресса, он выделяет два его вида – быстрый и медленный. Прогресс осуществляется только при соединении этих двух механизмов. Быстрый прогресс происходит посредством изобретений, которые маркируют собой новые эпохи в истории культуры – каждое изобретение

закладывается в основание новой эпохи, предопределяя глобальный сдвиг на пути ее совершенствования. Но внутри каждой новой эпохи происходит медленный прогресс – приспособление изобретения к существующим культурным условиям, во время которого оно оттачивается, совершенствуется и дает жизнь многим приспособительным механизмам, связанным с ним и вовлекающим его в пространство культуры [Кондорсе, 1936]. В еще большей степени это касается интеллигенции, которая уступила место интеллектуалам – лицам умственного труда, число которых увеличилось многократно, однако их социально-политическая и духовная роль в жизни общества стала почти незаметной. По мнению Лиотара, Ж. П. Сартр был последним большим интеллектуалом, верившим в некое «справедливое дело», за которое стоит бороться. Сегодня для таких иллюзий не осталось никаких оснований. Отсюда название одной из книг Лиотара – «Могила интеллектуала». В наши дни писатель и художник уступают место журналисту и эксперту.

Постмодернистское мировоззрение лишено внутреннего устойчивого ядра. В античности таковым выступала мифология, в средние века – религия, в эпоху модерна – сначала философия, а затем науки. Постмодерн развенчал престиж и авторитет науки, но не предложил ничего взамен, усложнив человеку проблему ориентации в мире. В целом мироощущение постмодерного человека – неофатализм. Его особенность в том, что человек уже не воспринимает себя в качестве хозяина своей судьбы. «В социальной сфере постмодернизм соответствует обществу потребления и массмедиа (средство массовой коммуникации и информации), основные характеристики которого выглядят аморфными, размытыми, неопределенными. В нем нет четко выраженной социально-классовой структуры. Уровень потребления – главным образом материального – выступает основным критерием деления на социальные слои. Это общество всеобщего конформизма и компромисса» [Фролов, 2003, С. 369].

В культурной сфере господствующее положение занимает массовая культура и в ней – мода и реклама. Важную черту постмодерна составляет театрализация – практически все сколь-нибудь существенные события принимают форму яркого и эффектного спектакля или шоу. Театрализация пронизывает и политическую жизнь. Политика перестает быть местом активной и серьезной деятельности человека – гражданина, но все больше превращается в шумное зрелище. Политические баталии постмодерна не ведут к революциям, поскольку для этого у них нет должной глубины, энергии и страстности. Политика все больше наполняется игровым содержанием, спортивным азартом. В некотором смысле она становится религией постмодерного человека.

Отмеченные черты постмодерна находят свое проявление и в духовной культуре – религии, науке, искусстве и философии. Философия постмодерна противопоставляет себя прежде всего Гегелю. Непосредственным предшественником постмодернизма являются Ф. Ницше и М. Хайдеггер. Первый из них отверг системный способ мышления Гегеля, противопоставив ему мышление в форме небольших фрагментов, афоризмов, максим и сентенций. Хайдеггер продолжил линию Ницше, сосредоточив внимание на критике разума. Идеи Ницше и Хайдеггера находят дальнейшее развитие у философов – постмодернистов: Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотара, М. Фуко, Дж. Ваттимо.

Жак Деррида (род. в 1930 г.) – автор концепции деконструктивизма. В деконструкции главное – не смысл, она представляет собой непрерывный и бесконечный процесс, исключая подведение какого-либо итога, обобщение смысла. Она не есть акт или операция, ибо они предполагают участие субъекта, активного или пассивного начала.

Деконструкция же скорее напоминает спонтанное, самопроизвольное событие. Такое событие не нуждается ни в мышлении, ни в сознании, ни в организации со стороны субъекта. Оно вполне самодостаточно.

В отношении деконструкции Деррида рассуждает в духе «отрицательной теологии», указывая главным образом на то, чем деконструкция не является. Однако в его работах имеются положительные утверждения и размышления по поводу деконструкции, внимание к которым усиливается в последних работах философа, где она рассматривается через понятие «изображение», охватывающее многие другие значения: открывать, творить, воображать, производить, устанавливать и т.д. Деррида подчеркивает: «Деконструкция изобретательна или ее нет совсем». Предпринимая деконструкцию философии, Деррида подвергает критике сами ее основания. Он определяет существующую философию как метафизику сознания, субъективности и гуманизма. Главный ее порок – догматизм. Из множества известных дихотомий (материя и сознание, дух и бытие, человек и мир, сознание и бессознательное, содержание и форма, внутреннее и внешнее, мужчина и женщина и т.д.) метафизика отдает предпочтение какой-нибудь одной стороне, каковой чаще всего оказывается сознание и все с ним связанное: субъект, субъективность, человек.

Отдавая приоритет сознанию, т.е. смыслу, содержанию, означаемому, метафизика берет его в чистом виде, в его логической и рациональной форме, игнорируя при этом бессознательное и выступая тем самым как логоцентризм. Если же сознание рассматривается с учетом его связи с языком, то последний выступает в качестве устной речи. Метафизика тогда становится логофоноцентризмом. Когда метафизика уделяет все свое внимание субъекту, она рассматривает его как автора и творца, наделенного «абсолютной субъективностью» и прозрачным самосознанием, способного полностью контролировать свои действия и поступки. Отдавая предпочтение человеку, метафизика предстает в качестве антропоцентризма и гуманизма. Во всех случаях метафизика остается логоцентризмом, в основе которого лежит единство логоса и голоса, смысла и устной речи, «близость голоса и бытия, голоса и смысла бытия, голоса и идеального смысла».

Деррида выдвигает гипотезу о существовании некоего «архиписьма» - нечто вроде «письма вообще». Оно предшествует устной речи и мышлению и в то же время присутствует в них в скрытой форме. «Архиписьмо» в таком случае приближается к статусу бытия. Оно лежит в основе всех конкретных видов письма, как и всех иных форм выражения. Будучи первичным, «письмо» некогда уступило свое положение устной речи и логосу. Деррида не уточняет, как произошло это «грехопадение», но считает, что оно характерно для всей истории западной культуры. История философии и культуры предстает как история репрессии, подавления, вытеснения и унижения «письма». Деррида ставит задачу восстановить нарушенную справедливость, показать, что «письмо» обладает ничуть не меньшим творческим потенциалом, чем голос и логос. Таким образом, речь идет о деконструкции традиционной философии.

Деррида стремится разрушить жесткие границы, которые логоцентризм устанавливает между известными оппозициями: нормальное и патологическое; обыденное и возвышенное; реальное и воображаемое; привычное и фантастическое и т.д. Он еще больше релятивизирует понятия, входящие в подобного рода оппозиции. Он превращает эти понятия в «неразрешимые»: они не являются ни истинными, ни ложными; ни плохими, ни хорошими; ни первичными, ни вторичными. В то же время они являются и теми, и другими, и третьими и т.д. Другими словами, «неразрешимое» есть одновременно ничто и в то же время все. Смысл «неразрешимых» понятий развертывается через переход в свою противоположность, которая

продолжает процесс до бесконечности. «Неразрешимое» воплощает суть деконструкции, которая как раз заключается в беспрерывном смещении, сдвиге и переходе в нечто иное.

В число «неразрешимых» входят все основные понятия и термины. При этом речь не идет о поиске и уточнении наиболее адекватного смысла данного слова. Происходит скорее обратное: основной смысл рассуждений заключается в уходе от какого-либо определенного смысла, в игре со смыслом, в самом движении и процессе письма. Деррида интересуется самим пульсированием мысли, а не результатом. Можно сказать, что сверхзадача подобных анализов состоит в следующем: показать, что все тексты разнородны и противоречивы, что сознательно задуманное авторами не находит адекватной реализации, что бессознательное, подобно гегелевской «хитрости разума», постоянно путает все карты, ставит всевозможные ловушки, куда попадают авторы текстов. Иначе говоря, претензии разума, логики и сознания часто оказываются несостоятельными.

Ж. Ф. Лиотар и М. Фуко, как и Деррида, представляют постструктурализм в философии постмодернизма. Лиотар (1924-1998): одной из основных тем в его работах является критика всей прежней философии как философии истории, прогресса, освобождения и гуманизма. Возражая Хабермасу в отношении его тезиса, что «модерн – незавершенный проект», Лиотар утверждает, что этот проект был не просто искажен, а полностью разрушен. Он считает, что все идеалы модерна оказались несостоятельными и потерпели крах. В первую очередь такая участь постигла идеал освобождения человека и человечества. Такую же судьбу испытал идеал гуманизма. Символом его краха стал «Освенцим».

Ненамного лучше участь прогресса. Русский социолог П. А. Сорокин отмечал: «Проблема прогресса представляет собой одну из наиболее сложных, трудных и неясных научных проблем» [Сорокин, 1914, с. 567]. Сначала он уступил место развитию, а сегодня и оно вызывает большое сомнение. По его мнению, для происходящих в современном мире изменений более подходящим является понятие «растущей сложности». При этом Лиотар признает, что науки, техника, технологии являются продуктами модерна, будут развиваться и в постмодерне. Новые культурные технологии, которые получены в пользование во второй половине XX века, пока еще не получили достойного применения: происходит то, что всегда бывает в культуре после взрыва: «Ближайшие последствия обнаруживают повторяемость: получив в свои руки новые мощные средства, общество на первых порах стремится использовать их для старых целей, расширяя свои возможности количественно» [Лотман, 1988, С. 98]. Поскольку окружающий человека мир все больше становится языковым и знаковым, постольку ведущая роль должна принадлежать лингвистике и семиотике. При этом наука не должна претендовать на роль объединяющего начала в обществе. Она не способна на это ни в эмпирической, ни в теоретической форме.

Объявляя прежние идеалы несостоятельными, Лиотар делает исключение для справедливости. Тема справедливости является центральной в его книге «Спор» (1983). Свообразными являются взгляды Лиотара в области эстетики и искусства. Здесь он ближе к модернизму, чем к постмодернизму. Постмодернизм тесно связан с массовой культурой и культом потребления. Он покоится на принципах удовольствия, наслаждения и развлечения. Этот постмодернизм дает все основания для обвинений в эклектизме, вседозволенности и цинизме. Лиотар отвергает эстетику прекрасного, предпочитая эстетику возвышенного и опираясь на учение И. Канта. Искусство должно отказаться от терапевтического и всякого иного изображения действительности. Оно является шифром непредставимого или, по Канту, абсолюта. Лиотар считает, что традиционную живопись навсегда заменила фотография,

поэтому художник должен не отражать или выражать, но «представлять непредставимое», т.е. показать или «сделать намек» на нечто такое, что можно лишь смутно постигать, но нельзя ни видеть, ни изображать (подобно К. С. Малевичу).

Касаясь назначения философии в условиях постмодерна, Лиотар склоняется к тому, что философия не должна заниматься какими-либо проблемами. Он противник смешения философии с другими формами мышления. Как бы развивая известное положение Хайдеггера о том, что приход науки вызовет «уход мыслей», Лиотар возлагает на философию главную ее обязанность: сохранить мысль и мышление. Такая мысль не нуждается в каком-либо объекте мышления, она выступает как чистая саморефлексия. В равной мере она не нуждается в адресате своей рефлексии. Подобно искусству модернизма и авангарда, ее не должны беспокоить разрыв с публикой, забота о диалоге с ней или о понимании с ее стороны. Собеседником философа выступает не публика, а сама мысль. Он несет ответственность перед одним только мышлением как таковым.

Мишель Фуко (1926-1984) в своих исследованиях опирается прежде всего на Ницше. В 60-е годы он разрабатывает оригинальную концепцию европейской науки и культуры, основу которой составляет «археология знания», а ее ядром выступает проблематика «знания–языка», в центре которой находится понятие эпистемы. Эпистема – «фундаментальный код культуры», определяющий конкретные формы мышления, знания и наук для данной эпохи. В 70-е годы в исследованиях Фуко на передний план выходит тема «знания – насилия» и «знания – власти». Развивая идею Ницше о «воле к власти», неотделимой от «воли к знанию», он значительно усиливает ее и доводит до «панкратизма» (всевластия). Власть в теории Фуко перестает быть «собственностью» того или иного класса, она не локализуется только в одном госаппарате, но распространяется по всему «социальному полю», пронизывает все общество, включая угнетаемых и угнетающих. Такая власть становится анонимной, неопределенной и неуловимой. В системе «знание – власть» нет места для человека и гуманизма, критика которого составляет одну из главных тем в работах Фуко.

Постмодернизм в философии находится в русле тенденции, возникшей в результате «лингвистического поворота», осуществленного западной философией в первой половине 20 в. (в неопозитивизме, герменевтике и структурализме). Поэтому постмодернистская философия существует в двух вариантах: постструктуралистском и герменевтическом. Наибольшее влияние она испытывает со стороны Ф. Ницше, М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна.

Постмодернистская философия отказывается от категории бытия, которое в прежнее время означало некий «последний фундамент», добравшись до которого мысль приобретает бесспорную достоверность. Прежнее бытие уступает место языку, объявляемому единственным бытием, которое может быть познано. Постмодернизм скептически относится к понятию истины, он решительно отвергает сциентизм и перекликается с агностицизмом. Не менее скептически он смотрит на человека как субъекта деятельности и познания, отрицает прежний антропоцентризм и гуманизм. Постмодернистская философия выражает разочарование в рационализме, а также в разработанных на его основе идеалах и ценностях.

Постмодернизм в философии сближает ее с наукой и литературой, усиливает тенденцию к эстетизации философской мысли. В целом данная философия выглядит весьма противоречивой, неопределенной и парадоксальной. Постмодерн представляет собой переходное состояние и переходную эпоху. Что касается положительного вклада, то здесь он выглядит весьма скромно.

Следует отметить, что смысл и содержание понятия «постмодернизм» у различных авторов во многом отличаются. И это вполне понятно и естественно, ибо само мышление в рамках этой

парадигмы исключает какое-либо единство взглядов и постоянство мировоззренческих позиций. Постмодернизм по своей сущности и смыслу не может рассматриваться в качестве какой-либо самостоятельной и определенной философии. Постмодернизм как особая единая философская система – это *contradictio in adjecto*. Поэтому в данном случае не употребляется термин «философия постмодернизма», а упоминают о «постмодернистском мышлении», «ситуации постмодернизма в философии», «интеллектуальной ситуации постмодернизма». И это не случайно, ибо, как уже отмечалось в литературе, «то, что имеется в виду под словом «постмодерн», значительно разнится в зависимости от контекста» [Тарнас, 1995]. Постмодернизм – совокупное обозначение наметившихся в последние десятилетия тенденций в культурном самосознании развитых стран Запада. Статус понятия постмодернизма формируется в 80-е гг. XX века прежде всего благодаря работам Ж. Ф. Лиотара, распространившего дискуссию о постмодернизме на область философии. В строгом смысле философии постмодернизма не существует – не только по причине отсутствия единства взглядов между относимыми к постмодернизму мыслителями, но и главным образом по той причине, что постмодернизм возник в философии как раз из радикального сомнения в возможности последней как некоего мировоззренческо-теоретического и жанрового единства. Целесообразно вести речь не о философии постмодернизма, а о ситуации постмодерна в философии, сопоставимой с ситуацией постмодерна в культуре вообще.

Эта ситуация имеет онтологические, гносеологические, историко-культурные и эстетические параметры. В онтологическом плане феномен постмодерна связан с осмыслением того обстоятельства, что предмет противится человеческому воздействию, отвечая на него противодействием; что порядок вещей «мстит» нашим попыткам его переделать, обрекая на неизбежный крах любые преобразовательские проекты. Постмодернизм возникает как осознание исчерпанности онтологии, в рамках которой реальность могла подвергаться насильственному преобразованию, переводу из «неразумного» состояния в «разумное» [Лотман, 1988; Тарнас, 1995]. Квалификация такой онтологии, как «модернистской» и исторически исчерпавшей себя, есть вместе с тем провозглашение новой эпохи – постмодернизма. Скептическое отстранение от установки на преобразование мира влечет за собой отказ от попыток его систематизации: мир не только не поддается человеческим усилиям его переделать, но и не умещается ни в какие теоретические схемы. Событие всегда опережает теорию (Ж. Бодрийар). Антисистематичность как характерная черта постмодернизма не сводится к простому отказу от притязаний на целостность и полноту теоретического охвата реальности – она связана с формированием неклассической «онтологии ума». Дело заключается в объективной невозможности зафиксировать наличие жестких, самозамкнутых систем, будь то в сфере экономики, политики или искусства. В процессе интеллектуального освоения этой трансформации возникает мышление вне традиционных понятийных оппозиций (субъект – объект, целое – часть, внутреннее – внешнее, реальное – воображаемое), мышление, не оперирующее какими-либо устойчивыми целостностями (Восток – Запад, капитализм – социализм, мужское – женское).

Возникновение постмодернизма вызвано также и изменением эпистемологической ситуации, связанной с критикой классической философской парадигмы неклассической философией (немецкая классическая философия, марксизм, психоанализ, структурализм). Результатом этой критики был распад субъекта как центра системы представлений (репрезентаций). Постмодернизм не только фиксирует, но и максимально заостряет эту ситуацию, создавая «скандальный» с точки зрения классических мыслительных навыков тип

философствования – философствование без субъекта. Место категорий «субъективности», «интенциональности», «рефлексивности» занимают безличные «потoki Желания», имперсональные «скорости», неконцептуализируемые «интенсивности» [Делез, 1998]. Непосредственным источником постмодернистского сдвига в гносеологической плоскости была деконструкция, в которой классическая философия дезавуируется как «метафизика присутствия» [Деррида, 1996; Фролова, 2009].

Заключение

Таким образом, сутью постмодернизма остается только критическое сознание, которое в то же время является самокритичным сознанием. А последнее порождает надежду и оптимизм. Действительно, применяя деконструкцию к самому себе, он должен признать историческую относительность и временную значимость постмодернистских истин, утверждений и текстов и охарактеризовать себя как одну из возможных локально-временных-децентрализованных-антитоталитарных точек зрения. И это не значит, что завтра не будет новой философской парадигмы, потому что для нее уже освободилось место, в том числе и для постмодернизма. И это, пожалуй, самое важное в истории философской мысли.

Следует отметить, что постмодернизм способствовал утверждению не только критического мышления, но и социальной критики истории и общества Западной Европы. Многие, в том числе представители научного сообщества, участвовали в деконструкции традиционного определения капитализма. После постмодернизма невозможно отрицать равенство объективной реальности, человеческого разума и человеческого опыта. Всеобщее понимание этого равного многообразия мира создает предпосылки для его интеграции и синтеза в единую систему. Если человечество не поймет возможностей и импульсов этого интегративного направления, не выработает для себя объединяющих идей, то в XXI веке оно столкнется уже не с деконструкцией, а с разрушением // разложением, причем не в теоретическом, а в практическом контексте.

Библиография

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. 3-е изд. Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, – 2004 г., – 567 с.
2. Деррида Ж. Деконструкция: триалог в Иерусалиме [Электронный ресурс] | Ж. Деррида, В. Изер, Д. Харман | Зеркало. – 1996. – №3-4. Режим доступа: <http://zerkalo-litart.com/?p=3305> - Проверено: 12.06.2017. ISSN 2227-7242 (Print), ISSN 2304-9685 (Online) Антропологичт виміри фшософсь-ких досліджень, – 2017, – Вип. 11.
3. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, – 1998. – 384 с.
4. Кондорсе Ж.-А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: СОЦЭКГИЗ, – 1936. – 266 с.
5. Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, – 2000. – С.12-149.
6. Лотман Ю. М. Технический прогресс как культурологическая проблема // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 831. Труды по знаковым системам. Т. 22. Зеркало. Семиотика зеркальности / ред. тома З. Г. Минц. Тарту: ТГУ, – 1988. – С. 97-116.
7. Модерн. Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова, изд. 8-е. Москва, Республика. Современность, – 2009 г., с. 402-404.
8. Сорокин П. А. Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. Сб. 3. СПб., – 1914. – 116-155 с.
9. Тарнас Р. История западного мышления. М.: КРОН-ПРЕСС. – 1995. – С. 335.
10. Философия. 6-е изд. Под редакцией А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. Изд-во Московского университета, – 2012 г., – 172 с.
11. Фролов И. Т. Введение в философию. Учебное пособие для вузов. 3- изд. М.: Республика, – 2003 г., – 368 с.
12. Халипов В. В. Постмодернизм в системе мировой культуры // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 233-240.
13. Эстетика: Словарь. Москва: Политиздат, – 1989. – 447 с.

Postmodernism: emergence and formation

Fatima R. Evloeva

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Ingush State University,
386001, 7, Zyazikova ave., Magas, Russian Federation;
e-mail: 00evloeva@mail.ru

Abstract

The subject of the study is a description of the processes that took place in Soviet and post-Soviet culture, which determined the specifics and features of the manifestation of postmodernism, i.e. the concept of the philosophy of culture of post-postmodernism. Postmodernism is a new concept compared to modernism. It characterizes the transition from modern institutions to a new type of society. Methodology: historical method; diachronic and synchronic methods; de-scription; comparative analysis.

The author's main contribution to the study of the topic is the study of post-modernism within the framework of historical and philosophical research, identify-ing trends that have manifested themselves in cultural practice and self-awareness over the past two decades. We are talking about a revision of the cardinal prerequi-sites of the European cultural tradition associated with progress as an ideal and a scheme of history, reason organizing the entire cognizable world around itself, liberal values as a standard of socio-political arrangement, the economic task of a steady increase in material wealth. Our current reality is postmodern, because it is characterized by disillusionment with reason and progress, disbelief in the future.

For citation

Evloeva F.R. (2024) Postmodernizm: vzniknoenie i stanovlenie [Postmodernism: emergence and formation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 60-70.

Keywords

Modernism; postmodernism; culture of the post-industrial information socie-ty; postmodernism as a special spiritual state of society; postmodernism as self-criticism of modernity; disillusionment with reason and progress; disbelief in the future, pessimism.

References

1. Alekseev P. V., Panin A. V. Philosophy. 3rd ed. Publishing house of Moscow State University named after. M.V. Lomonosov, – 2004, –567 p.
2. Derrida J. Deconstruction: a trialogue in Jerusalem [Electronic resource] I J. Derrida, B. Iser, D. Harman II Mirror. – 1996. – No. 3-4. Access mode: <http://Izerkalo-litart.comI?p=3305> - Revised: 06/12/2017. ISSN 2227-7242 (Print), ISSN 2304-9685 (Online) *Anthropolopcht vimiri fshosofs-kih doslidzhen*, – 2017, – Vip. eleven.
3. Deleuze J. Difference and repetition. St. Petersburg: Petropolis, – 1998. – 384 p.
4. Condorcet J.-A. Sketch of a historical picture of the progress of the human mind. M.: SOTSECGIZ, – 1936. – 266 p.
5. Lotman Yu. M. Culture and explosion // Lotman Yu. M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPb, – 2000. – P.12-149.
6. Lotman Yu. M. Technical progress as a cultural problem // Scientific notes of the Tartu University. Vol. 831. Works on sign systems. T. 22. Mirror. Semiotics of mirroring / ed. volumes by Z. G. Mints. Tartu: TSU, – 1988. – P. 97-116.

7. Modern. Philosophical Dictionary. Ed. I. T. Frolova, ed. 8th. Moscow, Republic. Modernity, – 2009, – p. 402-404.
8. Sorokin P. A. Review of theories and main problems of progress // New ideas in sociology. Sat. 3. St. Petersburg, – 1914. – 116-155 p.
9. Tarnas R. History of Western thinking. M.: KRON-PRESS. – 1995. – P. 335.
10. Philosophy. 6th ed. Edited by A. F. Zotov, V. V. Mironov, A. V. Razin. Moscow University Publishing House, 2012, 172 p.
11. Frolov I. T. Introduction to philosophy. Textbook for universities. 3rd ed. M.: Republic, – 2003, – 368 p.
12. Khalipov V.V. Postmodernism in the system of world culture // Foreign literature. – 1994. – No. 1. – P. 233-240.
13. Aesthetics: Dictionary. Moscow: Politizdat, – 1989. – 447 p.

УДК 130.2

Философия космизма: актуальность идей в XXI веке**Якушева Наталья Борисовна**

Кандидат философских наук,
доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин,
АНОО ВО «Кубанский институт профессионального образования»,
350042, Российская Федерация, Краснодар, ул. Садовая, 218;
e-mail: Yakusheva2@yandex.ru

Зими́на Ирина Владимировна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков и литературы,
Краснодарский государственный институт культуры»
350072, Российская Федерация, Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33;
e-mail: irinazimina@inbox.ru

Мацевская Светлана Ивановна

Директор,
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Орловская ООШ»,
236324, Российская Федерация, Калининградская область,
п. Орловка, ул. Центральная, 22;
e-mail: Klocs@mail.ru

Аннотация

Философское направление – космизм, имеет первостепенное значение для восприятия действующей реальности: оно предвосхитило события, которые мы наблюдаем в современное время, и предполагаем, что то, о чем заявляли наши соотечественники философы-космисты, на сегодняшний день ещё нам не достигаемо, по всей видимости, сбудется гораздо позже.

Исследователи побуждали к консолидации всех умений человека для воплощения в жизнь его верховной эволюционной программы, демонстрировали феноменальный уровень достижений самых всевозможных компетенций и дарований. Могущественность космистов в том, что они продумали и этическую и объективную насущность динамичного развития, ноосферы. Ноосферный вектор выбран именно прогрессом, сущностным канонем обновления мира, продвинувшим интеллект как свой инструментарий.

Для цитирования в научных исследованиях

Якушева Н.Б., Зими́на И.В., Мацевская С.И. Философия космизма: актуальность идей в XXI веке // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 71-77.

Ключевые слова

Космизм, философы-космисты, эволюция, активно-эволюционные идеи, человек, антропология, мораль, этические принципы, трансформация, научная мысль, нравственно-философская направленность, инновационное развитие.

Введение

На протяжении всего времени существования человечества мыслителей не оставлял вопрос, что представляет собой бытие человека, сама его жизнь и, конечно, смерть как итог земного пребывания человека. Это влекло за собой стремление разгадать загадку о смысле жизни и сущности смерти. В частности, в силах ли самого человека предотвратить или предугадать конец жизни, можно ли стать бессмертным и что для этого нужно предпринять? Согласно Г.Гейне, проблема смысла жизни стала «проклятым» вопросом философии и истории.

Философия космизма подхватила эстафету в рассмотрении данных вопросов и стала быстрыми темпами развиваться с конца XIX века не только в России, но и на Западе. К данному направлению относили учёных, философов, поэтов, музыкантов, художников – Тейяр де Шардена, Ясперса, Леруа, Фромма, Тютчева, Скрябина, Рериха и многих других. Практически через всю мировую культуру проходит мысль о том, что человек сознательно причастен вселенскому бытию, человек – субъект микрокосмоса со соединивший в себе все начала, энергии и стихии. Концепция о преобразовании человека и мира стремилась преодолеть ограниченность субъекта в пространственно-временных параметрах, и воплощалась в сказочных идеях – полеты в воздухе, вода живая и мертвая и тому подобное.

Основная часть

В русском философском наследии у Владимира Соловьёва, Павла Флоренского, Николая Бердяева и других философов также акцентируется космическая мысль. Речь идет о почитании в нашей православной философии, которое Н. Бердяев именовал «космоцентрическим, узревающим божественные энергии в тварном мире, обращенным к преображению мира» и «антропоцентрическим... обращенным к активности человека в природе и обществе» [Бердяев, 2008].

Российские космисты, философы, хотели, чтобы человек приложил все свои силы и способности для осуществления нашей высшей эволюционной цели, для этого необходимо использовать все знания и таланты. Сила мыслителей в том, что они сформулировали моральную и объективную необходимость человеческой эволюции.

В основе любой концепции, ее выводах лежат те или иные морально-нравственные ценности и идеи. Так, рассуждая о будущем человечества, Николай Федоров часто опирается на метафизические задатки индивида и прогнозирует, что именно они в будущем будут превалировать над физическим в нем.

Осознанное руководство эволюционным алгоритмом – есть наивысшая точка одухотворения вселенной и всё это раскрывается у Н.Фёдорова последовательно. Сначала осуществляется упорядочение «метеорических», процессов: перерастание стихийно-разрушительного хода галактических сил в осознанно ориентированные. Это трансформирование новая ступень организационной структуры социума – «психократии» на основе кровного сознания; работа над одолением смерти, изменением биологической структуры

человека; вечное созидание бессмертной жизни во Вселенной. Реализация данной идеи, согласно Н.Федорову, возможна в процессе познания всех людей, их опыта и знаний в пределах мира, что приведет к постепенному наращиванию ресурсов и приведет, в конце концов, к пока еще недоступным познанию и мистическому.

В основе космизма стоит главная мысль природной эволюции. Она заключается в неизбежности морального усовершенствования человека наряду с физическим перевоплощением. За этим следует отказ от тех физиологических аспектов, которые направлены на гибель или лишение жизни индивида. Космисты уверяют, что Человеку показана энергичная целенаправленная деятельность, направленная на изживание вышеназванных аспектов и проблем.

Сейчас наблюдается процесс нарастания сложности конфигураций жизни, а у человека есть врожденный и естественный шанс для самосовершенствования.

И такой шанс мы получили. В 2023 году появился метод биопечати, основанный на достижениях в зоне изучения стволовых клеток и 3D-печати для производства действующих органов. Чернила состоят из клеток тканей пациента, чтобы уменьшить риск отторжения органа. Этот метод поможет снизить надобность в донорах органов, а количество людей, не дождавшихся доноров и умерших из-за этого, будет меньше. Данная идея была высоко оценена в современном мире.

Научная мысль с конца XIX - начала XX столетия пыталась разобраться с противоречивой природой человека и это привело к тому, что сформировались два направления, два идейных лагеря. В одном из них ощущалось влияние мыслей Ч. Дарвина о природном отборе, представляющем собой борьбу с целью выживания. Эта битва и есть так называемый «двигатель прогресса». Следующий этап «гомосапиенса» представлял собой борьбу и вытеснение болезненных форм. В то же время идея селекции человечества и мысль об изменении экземпляров высших рас человеческого рода приводит, в итоге, к новому варианту.

Интересно, что в России одновременно с Н.Ф. Фёдоровым его современник, драматург А. В. Сухово-Кобылин пробовал обосновать космическое существование человечества в недалеком будущем. Александр Васильевич занимался теорией уникального философского синтеза более двадцати лет, которая опиралась на учение Дарвина и диалектику Гегеля.

Согласно А.В. Сухово-Кобылину, человечество находится в теллурической (земной) стадии своего развития. Людям предстоит еще две – солярная, предполагающая размещение нас в околосолнечном пространстве и сидеральная, расселяющая землян в глубинах макрокосмоса. А.В. Сухово-Кобылин называет это «Всемир» – «всемирное человечество» – «вся тотальность миров, человечеством обитаемых во всей бесконечности Вселенной». [Сухово–Кобылин 1993]

Это астральное возможно только тогда, когда человечество встанет на путь мощного эволюционного прогресса, который, в свою очередь возможен и осуществим посредством творческой деятельности личной природы. А.В. Сухово-Кобылин хотел, чтобы человек достиг таланта «летания» - отрицание пространства и возвышение над ним. Создание велосипеда, локомотив для ученого – первые шаги к новой свободе и силе, «...почин, зерно будущих органических крыльев, которыми человек, несомненно, порвёт связующие его кандалы этого теллурического мира. «Человек летающий» встанет на место «Человека технического»: «высший, т.е. солярный, человек просветит своё тело до удельного веса воздуха. И для этого выработает своё тело в трубчатое тело, т.е. воздушное, более того, в эфирное, т.е. наилегчайшее тело». [Сухово-Кобылин, 1993]

Физическая оболочка в результате человеку будет не нужна, он ее как бы скинет и

перевоплотится в духовное вечноживущее существо. В этом – основательное переосмысление гегелевского «абсолютного духа», который становится истинным человечеством в его предстоящей вселенской судьбе.

Процесс создания нового человечества будет идти, по А.В. Сухово-Кобылину, путём строгой селекции и туда будут включаться большие периоды истории, особенно ранней. При этом в начале будет зверообразный предок человека, в конце – лучезарная духовная личность, «экстрем». Так возникнет вечное астральное человечество. К этому новому совершенному концу человек пройдет через следующие этапы: «чувственный», «рассудочный» и «разумный», а понятие «дикаря» будет забыто.

Во всей этой великолепной одухотворенной идеи мира у разных авторов иногда звучат элитарные нотки. Так, у А.В. Сухово-Кобылина к исчезающим относятся наши бескультурные прародители и «несовершенные» расы; Н. А. Умов говорит о необходимости вымирания людей-автоматов, не дошедших до верхней ступени эволюции, в то время как все живое все более нацелено на совершенствование сознания и развитие творческой природы личности. В.И. Вернадский не просто так говорил об Н.А. Умове, как о «крупном, недостаточно оцененном ученом-мыслителе».

Причины активизации творческого потенциала человека, его эволюционирования были достаточно легки. Чем они тривиальнее и просты, тем удобнее и слито со средой. Когда же творческие возможности начинают активнее развиваться, возникает все больше препятствий, среда уже не удовлетворяет возрастающим функциям, которые уже усложнились. Тогда организм начинает работать, приспособлявая природу к себе.

К. Э. Циолковский говорит об «искусственном подборе», в результате которого появляются существа «без страстей, но с возвышенным разумом», приводящем к «профилактическому» уничтожению недостаточно совершенных форм жизни.

Согласно другой точки зрения, человек самодостаточен. Он наделен солидарностью и нацелен на родственность, преемственность и неразрывность поколений. В.И. Вернадский, ученый, философ, в данном вопросе категоричен: «Геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей – Homo sapiens и его геологических предков Sinanthropus и др. <...> Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы» [Вернадский 1991]

Одно из научных направлений, молекулярная антропология — исследование биологии и эволюции человека с помощью анализа ДНК, в нашем столетии ушло достаточно далеко. Исследователи изучают гены человека на основе останков костей, зубов и тканей. Успехи в сфере исследования ДНК наших далеких предков дали ученым право изучать геномы всевозможных популяций, в том числе вымерших. Все эти знания позволяют анализировать миграционную историю человечества, историю эволюции и структуру популяций. Кроме того, молекулярную антропологию используют для изучения отношений, которые складываются между разнообразными видами, и еще включают сюда наших ближайших родственников, таких как шимпанзе и гориллы. В недалеком будущем данное научное направление поможет изучить генетическое ядро различных болезней человека, и разработать новые технологии для их излечения. Не это ли стадия развития «нового человека», о которой так мечтали философы прошлых столетий?

Но если говорить о нравственно-философской точке зрения активной эволюционной идеи, то она против селекции и борьбы за существование. По В.И. Вернадскому, в реальности работает только один принцип – принцип солидарности. Он также был обоснован двумя

русскими учёными зоологом К. Кесслером и П. Кропоткиным. Наиболее радикально выражает мысли в этом направлении Н. Фёдоров.

Для Н.Федорова ключевой является идея непритворного коллективизма – «Жить со всеми и для всех». «Отец русского космизма» был глубоко убежден в созидательной силе человеческого гения и верил в родство душ. Человек создан для вечной жизни, в человеческой власти победить смерть, переделать мир, в общем, многие могут очень много, если не все. И если в его учении и звучат христианские мотивы, то вера для него, все же – ориентир, а конкретные дела связаны с преобразовательной деятельностью человека, которая связана непосредственно с наукой и достижениями. Это будет знание, подтвержденное «опытами в естественном размере», которое будет достигнуто несомненным усилием и станет наивысшим критерием истины.

По сей день самобытную мировую экспансию, правление над природными стихиями индивидуум реализовывал, прежде всего, за счёт декоративных инструментов, продлевавших его части тела, короче говоря, с помощью механических приспособлений. Инновировав в технической сфере, индивид не посягает на собственную идентичность как таковую, он тщательно охраняет её установленный порядок, сохраняя себя без изменений, ущемленным физиологически и интеллектуально. Всемогущество его разрастается за счёт периферийных его плоти, рассудку и сердцу технических приспособлений. Раскол между высокой технологичностью и уязвимостью человека увеличивается и потому всё в большей степени озадачивает, более того, порождает беспокойство (на фоне этого зарождаются новомодные мифы-фобии, покорение человечества будущими техноорганизмами). Не подлежит сомнению эффективность техники, требуется только использовать ее в нужное время и в нужном месте.

С точки зрения Н.Федорова технические средства не будут являться важной ветвью развития, хотя и займут свое уместное периферийное место. Свои мыслительные способности, согласно Н.Федорову, должен нацелить не на бионические устройства к своим частям тела, а на сами органы, их модернизацию, прогрессирование и трансформацию, чтобы человек сам мог летать. «Человеку будут доступны все небесные пространства, все небесные миры только тогда, когда он будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что тогда только он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы». [Фёдоров 1982]

Человеческая личность для Н. Федорова – высшая ценность и ценностью является бесконечная, преображенная жизнь, и выработанное моральное чувство личности требует спасения всех кто погиб, возвращения всех утраченных. Величайший мыслитель требовал не потерять ни единой малой силы, очень внимательно относиться и дорожить всеми проявлениями человеческой индивидуальности.

Заключение

Современная культура отражает тот кризис, в который входит новая цивилизация. Научные достижения, породившие новый тип, приводят к действительному господству безличных экономических, технологических, политических структур над живой человеческой деятельностью, индивидуальным «Я». Об этом нас предупреждали философы-космисты еще в прошлом столетии. Человек – личность, с его творчеством становится неприметной деталью общественной машины, придатком техногенного процесса. Индивид неосознанно воспринимает все новые и новые формы жизни, которые навязывает ему общество, и перестает жить своей независимой, свободной жизнью.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Русская идея о России и русской философской культуре. - СПб.: Азбука-классика, 2008.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества.//Приложение к журналу «Вопросы философии» - М., 1989. С. 608.
3. Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере.// Ноосферные исследования 2013. №1 (1). С.6-17.
4. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991.
5. Зимина И.В., Ефимова Т.О. Концепт «Гордость» в религиозной, научной и фразеологической картинах мира // Мир науки. Социология, филология, культурология 2020. Т. 11. №1. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF>
6. Русский космизм: Антология философской мысли. - М.: Педагогика-Пресс, 1993.
7. Соболев И.А. К.Э. Циолковский и развитие факторов экспансии человека в мировом океане и в космическом пространстве // К.Э. Циолковский. Проблемы и будущее российской науки и техники. Материалы 52-х научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 19-21 сентября 2017. С. 111-115.
8. Сухово-Кобылин А. В. Философия духа или социология (учение Всемира)//кн. Русский космизм: Антология философской мысли М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 52-65.
9. Сухово-Кобылин А.В. Философия летания //кн. Русский космизм. Антология философской мысли М.: Педагогика-Пресс, 1993. С.10.
10. Умов Н. А. Роль человека в познаваемом им мире //кн. Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 111–128.
11. Филимонов Б.П., Филимонов А.Б. К.Э. Циолковский о реконструкции
12. Земной поверхности // К.Э. Циолковский. Проблемы и будущее российской науки и техники. Материалы 52-х научных чтений памяти К.Э. Циолковского. Калуга, 19-21 сентября 2017. С. 115-119.
13. Федоров Н.Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. С.501.
14. Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: УРСС, 2001. С.480.
15. Циолковский К.Э. Очерки о Вселенной. Калуга, 2001. С.384.
16. Якушева Н.Б. Русская утопическая мысль //Вестник Чебоксарского кооперативного института 2009 №2(4). С.104-108

The philosophy of cosmism: the relevance of ideas in the 21st century

Natal'ya B. Yakusheva

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of General Professional Disciplines,
Kuban Institute of Professional Education,
350042, 218, Sadovaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: Yakusheva2@yandex.ru

Irina V. Zimina

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages and Literature,
Krasnodar State Institute of Culture,
350072, 33, 40th Anniversary of Victory str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: irinazimina@inbox.ru

Svetlana I. Matsievskaya

Director of the municipal budgetary educational institution "Orlovskaya OOSH",
236324, 22, Tsentralnaya ul., Orlovka village, Kaliningrad region, Russian Federation;
e-mail: Klocs@mail.ru

Abstract

The philosophical direction, cosmism, is of paramount importance for the perception of the current reality: it anticipated the events that we observe in modern times, and we assume that what our fellow cosmist philosophers claimed is still beyond our reach today, most likely it will come true much later.

The researchers encouraged the consolidation of all human skills for the realization of his supreme evolutionary program, demonstrated a phenomenal level of achievement of all kinds of competencies and talents. The power of cosmists lies in the fact that they have thought through both the ethical and objective urgency of the dynamic development of the noosphere. The noospheric vector was chosen precisely by progress, the essential canon of the renewal of the world, which advanced intelligence as its toolkit.

For citation

Yakusheva N.B., Zimina I.V., Matsievskaya S.I. (2024) *Filosofiya kosmizma: aktual'nost' idei v XXI veke* [The philosophy of cosmism: the relevance of ideas in the 21st century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 71-77.

Keywords

Cosmism, cosmist philosophers, evolution, active evolutionary ideas, man, anthropology, morality, ethical principles, transformation, scientific thought, moral and philosophical orientation, innovative development.

References

1. Berdyaev N.A. (2008) *Russian Idea about Russia and Russian philosophical culture*. - St. Petersburg: Azbukaklastika.
2. Berdyaev N.A. (1989) *Philosophy of freedom. The meaning of creativity*// Appendix to the journal "Questions of Philosophy". - M., p. 608.
3. Vernadsky V. I. (2013) *A few words about the noosphere*// *Noospheric studies*, 1 (1). pp. 6-17.
4. Vernadsky V. I. (1991) *Scientific thought as a planetary phenomenon*. - M.: Nauka.
5. Zimina I. V., Efimova T. O. (2020) *The concept of "pride" in religious, scientific and phraseological pictures of the world* // *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies* 11 (1). <https://sfk-mn.ru/PDF>
6. *Russian Cosmism: Anthology of philosophical thought*. (1993) - M.: Pedagogy-Press.
7. Sobolev I.A. (2017) *K.E. Tsiolkovsky and the development of human expansion factors in the world ocean and in outer space* // *K.E. Tsiolkovsky. Problems and the future of Russian science and technology. Materials of 52 scientific readings in memory of K.E. Tsiolkovsky*. Kaluga, September 19-21, pp. 111-115
8. Sukhovo-Kobylin A. V. (1993) *Philosophy of the spirit or sociology (the teaching of the World)*//book. *Russian Cosmism: An Anthology of philosophical thought* M.: Pedagogy-Press, pp. 52-65.
9. Sukhovo-Kobylin A. V. (1993) *Philosophy of flying* //book. *Russian cosmism. Anthology of philosophical thought* M.: Pedagogy-Press, p. 10.
10. Umov N. A. (1993) *The role of man in the world he knows* //book. *Russian cosmism: An Anthology of philosophical thought*. M.: Pedagogy-Press, pp. 111-128.
11. Filimonov B.P., Filimonov A.B. (2017) *K.E. Tsiolkovsky on reconstruction*
12. *The Earth's surface* // *K.E. Tsiolkovsky. Problems and the future of Russian science and technology. Materials of 52 scientific readings in memory of K.E. Tsiolkovsky*. Kaluga, September 19-21, pp. 115-119.
13. Fedorov N.F. (1982) *Works*. M.: Thought, p.501.
14. Tsiolkovsky K.E. (2001) *Cosmic philosophy*. M.: URSS, p.480.
15. Tsiolkovsky K.E. (2001) *Essays on the Universe*. Kaluga, p. 384.
16. Yakusheva N.B. (2009) *Russian Utopian thought* // *Bulletin of the Cheboksary Cooperative Institute* 2(4). pp.104-108.

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как
[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
 - substantive (to reflect the main content of an article and research results);
 - structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

